

ЦЕНА ПОСЛЕДНЕГО ПЕРЕХОДА

РОМАН ТАЛЬСКИЙ

Роман Тальский

Цена последнего перехода

«Автор»

2026

Тальский Р.

Цена последнего перехода / Р. Тальский — «Автор», 2026

Ночной диспетчер Егор Ланской приходит в себя в теле придворного переводчика пограничного княжества. Здесь каменные арки сокращают любую дорогу, но платой становится память о пройденных путях. Придворный маг Олмер Вейр годами перекладывает цену собственных переходов на случайных людей и хранит их воспоминания в стеклянных картах. Чтобы открыть заставы и остановить Вейра, Егору придётся научиться переводить не только слова, но и согласие тех, кто платит. Путь домой существует — однако он заберёт всю новую жизнь: дружбу, любовь, доказательства преступлений и причины, по которым Егор решил бороться. Последний переход заставит его выбрать, что важнее: сохранить себя или оставить людям дороги, которыми больше никто не сможет владеть.

© Тальский Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Поезд, которого нет в расписании	6
Глава 2. Плата за одну версту	13
Глава 3. Два имени заставы	20
Глава 4. Переводчик при дворе	29
Глава 5. Стеклянная карта	39
Глава 6. Человек, которого Мира не помнит	47
Глава 7. Обоз за закрытой аркой	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Роман Тальский

Цена последнего перехода

От автора

Мы редко считаем дорогу частью собственной жизни. Кажется, важны только места отправления и прибытия, а путь между ними можно сократить без потерь. Но именно в дороге мы учимся узнавать дом, запоминаем голоса тех, кто провожал нас, и понимаем, к кому хотим вернуться.

Этот роман — о быстрых переходах, за которые платят не деньгами, а памятью. Его герои будут ошибаться, выбирать удобство и обнаруживать цену слишком поздно. Здесь знание прошлого не даёт готовых ответов, магия не различает справедливость, а дорога принадлежит тому, кто способен пройти её сам.

Главное правило книги простое: память о человеке и сам человек — не одно и то же. Утраченное чувство нельзя честно вернуть чужим рассказом, но отношения можно построить заново, если никто не требует прежней близости как долга.

Глава 1. Поезд, которого нет в расписании

В три часа семнадцать минут ночи на схеме загорелась красная точка, которой там быть не могло.

Егор сначала решил, что устал. Он снял очки, протёр их краем свитера и снова посмотрел на монитор. Красная точка не исчезла. Она медленно ползла по перегону между Бережной и Сосновкой, занимая путь, на который через девять минут должен был выйти грузовой состав.

По документам перегон был свободен.

По экрану — нет.

За окном диспетчерской лежала октябрьская темнота. Дождь дробно бил в стекло, превращая станционные фонари в длинные жёлтые полосы. На столе остывал чай, раскрытый учебник по исторической географии подпирал старую клавиатуру, чтобы та не качалась. В соседней комнате дремал сменщик, но будить его для проверки собственной усталости Егор не стал.

Он нажал связь.

— Бережная, ответьте центральному.

В наушнике прошуршало.

— Бережная на связи.

— У вас кто-нибудь ушёл на Сосновку без разрешения?

Дежурная помолчала ровно столько, чтобы Егор выпрямился.

— Никто. Путь свободен, маршрут не задан.

— Проверьте журнал глазами. Не по системе.

— Уже. Последняя дрезина вернулась в ноль сорок.

Красная точка продвинулась ещё на одно деление. Медленно, как хозяйка, которая точно знает, что дверь ей откроют.

Егор вызвал машиниста грузового. Тот ответил сразу, бодро и раздражённо: сто двадцать вагонов не любят, когда им мешают разгоняться.

— Седьмой грузовой, снижение до двадцати. Готовность к остановке у входного Бережной.

— Центральный, у меня зелёный. Причина?

— Препятствие на перегоне.

— Какое препятствие?

— Пока неизвестное. Выполняйте.

В таких случаях хотелось объяснить всё подробно, чтобы на другом конце перестали считать тебя перестраховщиком. Но объяснять было нечего. В журнале не было состава, на рельсах — был. Между этими двумя истинами Егор отвечал не за красоту объяснения, а за то, чтобы они не встретились лоб в лоб с настоящим поездом.

Машинист подтвердил приказ. На схеме зелёная нитка погасла, грузовой начал терять скорость.

Егор поднял сменщика, сообщил начальнику и велел обеим станциям запереть выходные сигналы. Только после этого позволил себе снова посмотреть на чужую отметку. Она остановилась посередине перегона.

— Может, сбой счётчика осей, — сказал сменщик Палыч, застёгивая форменную рубашку не на те пуговицы. — Дождём залило.

— Сбой не движется три километра, потом не останавливается.

— Сейчас всё умеет.

Палыч зевнул, однако сел ко второму пульту. Они проверили питание, резервный канал, журналы ремонта. Никаких работ на перегоне не велось. Путьцы спали в вагончике у Сос-

новки. Дрезины стояли под замком. Пассажирский поезд прошёл сорок минут назад и ничего не сообщил.

Красная точка мигнула.

На долю секунды рядом с привычной надписью «Бережная — Сосновка» возникло другое название. Егор успел прочесть только первые буквы: «Бер...» — и что-то похожее на старый твёрдый знак. Потом экран потемнел.

Погас свет. Умолкли вентиляторы. Дождь за окном тоже исчез, словно его выключили тем же рубильником.

Резервное питание должно было включиться через три секунды. Егор считал их машинально.

Раз.

Два.

Три.

Темнота осталась.

Он нащупал телефон, но вместо гладкого пластика пальцы коснулись холодного камня. Стола не было. Кресла тоже. Егор качнулся, ударился плечом о стену и вдохнул воздух, пахнущий мокрой шерстью, лошадиным потом и горелыми травами.

Кто-то закричал ему в ухо:

— Савер! Второе имя!

Голос был женский, хриплый от напряжения. Егор открыл глаза.

Над ним горела белая полоса. Она не висела под потолком, как лампа, а бежала по внутренней стороне каменной арки, сложенной из чёрных плит. За аркой ничего не было видно, кроме серого вихря. Вихрь тянулся вперёд, хотя ветра Егор не чувствовал. Под ногами дрожала деревянная площадка. Слева лошадь била копытом по доскам, справа мужчина прижимал к груди ребёнка. В тесном проходе за ними громоздились повозки, мешки и бочки.

Егор посмотрел на свои руки. Длинные пальцы, чернильное пятно у ногтя, старый ожог на запястье. Не его руки.

— Второе имя! — повторила женщина.

Она стояла у правого столба арки, упиравшись в камень длинным шестом. На ней был серый дорожный плащ, промокший на плечах, волосы собраны в тугую косу. Лицо — резкое, взрослое, с белым шрамом под подбородком. Она смотрела на Егора так, как машинист смотрит на закрывающийся перед ним сигнал: ещё миг — и поздно.

— Какое имя? — спросил он.

Собственный голос оказался ниже привычного.

Женщина выругалась. Сзади застонала лошадь. Повозка дёрнулась и толкнула Егора в спину. Он ухватился за камень, и белая полоса обожгла ладонь сквозь кожу.

В голове что-то раскрылось.

Не воспоминание — скорее ящик с чужими карточками. Слова лежали в нём рядами: ровенские, степные, старые дорожные формы. Егор понимал их, хотя никогда не слышал. Знал, что женщина назвала его Савером. Знал, что «второе имя» нужно произнести сейчас. Но какое именно, ящик не подсказывал.

— Куда мы идём? — крикнул он.

Женщина на миг застыла.

— Ты издеваешься? Бересовая застава!

Камень под ладонью задрожал. В сером вихре показалась дорога — узкая, белая от инея, между двумя тёмными холмами. Потом изображение сместилось, и вместо дороги возник обрыв. Повозки накренились все разом, будто стояли не на площадке, а на палубе.

— Старое название! — крикнула женщина. — Ты назвал только живое!

Егор не знал ни Бересовой заставы, ни её старого названия. Зато знал, что делают, когда неизвестный состав оказывается на занятом перегоне. Не верят расписанию. Выясняют, где он находится на самом деле.

Он оглядел людей. Одежда, грязь на колёсах, ветки, привязанные к бортам. На мешках чёрной краской нарисован знак из трёх зубцов. На ворота женщины висел медный жетон с тем же знаком и двумя строками надписей. Верхнюю он прочитал сразу: «Бересовая». Нижняя была стёрта пальцами, но несколько букв сохранились.

— Дай жетон!

— Что?

— Сними и дай сюда!

Она не стала спорить. Сорвала цепочку и бросила медный кружок. Егор поймал его чужой рукой. Нижние буквы были старой вязью, той самой, что жила в раскрытом ящике его новой памяти. Берест. Берестовый дозор. Нет, не совсем. Окончание зависело от того, называли ли место крепостью или дорогой.

Площадка снова накренилась. Передняя лошадь поскользнулась, рухнула на колени. Ребёнок заплакал. Кто-то сзади требовал вернуть обоз назад, но позади арки уже не было: серый вихрь замкнулся в сплошную стену.

— Там обрыв, — сказала женщина, не отводя от Егора глаз. — Если закрепíš его именем, мы выйдем в воздух.

— А если промолчу?

— Дорога выбросит сама.

— Куда?

— Куда ближе.

Это был плохой ответ. В его мире между двумя станциями тоже существовало множество точек, но поезд мог оказаться только там, где лежали рельсы. Здесь рельсами служили названия, и кто-то пустил обоз по маршруту, не проверив вторую стрелку.

Егор провёл большим пальцем по жетону. «Берестовый дозор» звучало как имя укрепления. «Берестовая тропа» — как имя дороги. В верхней строке значилась застава. Значит, старое имя, скорее всего, описывало то же место до постройки заставы, а не соседний тракт.

— Что там было раньше? — спросил он.

— Савер!

— Раньше заставы что было? Башня? Дозор? Селение?

Женщина поняла. Она резко обернулась к людям.

— Кто старше шестидесяти? Кто родился у Бересовой?

Из-за второй повозки поднялась старуха в синем платке.

— Я там замужней стала.

— Как твой свёкор называл место?

— Берестовым порогом. Потому что дорогу водой резало. Потом воду отвели.

На жетоне стёртые буквы сложились: Берестов Порог. Не дозор.

Живое название и старое. Два показания об одной точке.

Егор прижал ладонь к белой полосе. Боль прошла от пальцев к локтю.

— Бересовая застава, — произнёс он, чувствуя, как чужой язык сам ставит ударения. — Берестов Порог.

Серый вихрь рванулся к нему.

На мгновение Егор снова оказался в диспетчерской. Он видел дождь за окном, тёмный монитор, Палыча, который замер с поднятой рукой. Слышал далёкий голос машиниста: «Центральный, остановился перед входным». Потом из темноты вынырнула платформа Сосновки, залитая летним солнцем.

Егор стоял на ней мальчишкой. Мать держала его за плечо и показывала на табличку с названием станции. Они приехали к бабушке впервые без отца. Мать говорила, что на обратном пути он сам объявит нужную остановку и не даст им проехать. На ней было зелёное платье, смешная соломенная шляпа, купленная у платформы, и Егор смеялся, потому что ветер всё время пытался унести её на рельсы.

Воспоминание было таким ясным, что он забыл об арке.

Белая полоса под ладонью стала ледяной.

Солнце на платформе погасло. Сначала исчезло лицо матери, потом зелёное платье, потом вкус горячей газировки из гранёного стакана. Егор попытался удержать хотя бы название станции. Он знал, что был там. Знал, что приехал к бабушке. Но путь от поезда до её дома словно вырезали из плёнки. Вот они выходят из вагона — и вот уже сидят за круглым столом на кухне. Между этими мгновениями не осталось ничего.

Он отдёргнул руку.

Арка ударила звуком, похожим на треск льда. Белая линия раскололась на множество нитей. Повозки понеслись вперёд, хотя колёса не вращались. Егор упал на колено. Женщина с шестом успела схватить его за ворот.

Серость разорвалась.

В лицо пахнуло снегом. Передняя повозка вылетела из арки, подпрыгнула на камнях и едва не перевернулась. Следом рванули остальные. Лошади визжали, люди падали на мешки. Женщина вытащила Егора наружу за ворот и повалила на обочину.

За их спинами арка погасла.

Несколько мгновений никто не говорил. Слышно было только, как осыпаются камешки.

Егор поднял голову. Обоз стоял на узкой дороге. С одной стороны нависала скала, с другой начинался обрыв. Внизу, далеко под ними, блестела река. Передняя лошадь упёрлась грудью в низкий каменный столбик у самого края. Ещё полшага — и повозка потянула бы её вниз.

— Всем стоять! — женщина вскочила раньше Егора. — Колёса на упоры. Лошадей не разворачивать. Сначала люди идут к скале.

Она командовала коротко, без крика. Двое мужчин подложили камни под колёса. Мать вытащила ребёнка из повозки. Старуха в синем платке опустилась прямо на землю и перекрестилась незнакомым знаком: два пальца ко лбу, потом к губам.

Егор сел. Сердце колотилось, но тело, в котором он оказался, переносило случившееся лучше его собственного: дыхание быстро выравнивалось, руки не дрожали. Под тёмной курткой прощупывался широкий пояс с карманами. В одном лежала записная книжка, в другом — кусок мела, в третьем — плоская серебряная рамка без стекла.

Он достал книжку. Страницы были исписаны теми же двумя видами письма. Большинство слов читалось легко. На первой странице стояло имя: Савер Дон, переводчик Палаты дорог. Ниже — разрешение проводить казённые обозы через семь застав.

Савер. Так его назвала женщина.

Егор коснулся лица. Щёки были худее, подбородок острее. Волосы длиннее привычного, собраны на затылке кожаным шнурком. Никакой боли, которая объясняла бы потерю памяти после удара. Никакой диспетчерской вокруг. Только незнакомое тело, погасшая арка и дорога у обрыва.

Он должен был испугаться. Наверное, уже испугался, просто страх пока стоял где-то в очереди за более срочными задачами.

Женщина вернулась и присела перед ним.

— Сколько пальцев?

— Три.

— Как меня зовут?

Егор посмотрел на неё. Чужая память снова раскрылась, но на этот раз в ящике лежали только обрывки. Мира. Проводница северных застав. Плохо переносит вино. Не любит придворных. Савер однажды обещал ей исправить дорожный список и не исправил.

— Мира Эль.

— Куда мы шли?

— На Бересовую заставу.

— Откуда?

Этого он не знал. Он заглянул в книжку, но Мира накрыла страницу ладонью.

— Не подглядывай.

— Я не помню.

Её лицо изменилось. Не смягчилось — стало внимательнее.

— Что именно?

— Откуда вышли. Почему я здесь. Кто такой Савер Дон.

— Ты Савер Дон.

— Тогда почему мне двадцать пять, я учусь на историка и десять минут назад останавливал грузовой перед Бережной?

Мира медленно убрала ладонь с книжки.

— Ты назвал Берестов Порог, — сказала она. — Этим именем не пользуются лет сорок. Савер знал старое имя, но не любил спрашивать стариков. А ты спросил.

— Я прочитал жетон.

— На жетоне половина букв стёрта.

— Остальное сказала женщина.

— И ты ей поверил.

— У нас был выбор между её памятью и обрывом.

Мира посмотрела на каменный столбик, остановивший лошадь. Потом подняла жетон, который Егор всё ещё сжимал в руке.

— Это не Бересовая.

— Что?

— Бересовая за тем хребтом. Нас выбросило на Старый уступ. До заставы день пешком, если снег не усилится.

— Но названия были правильные.

— Правильные. Только ты замешкался, и дорога успела выбрать ближайшее место, похожее на названное. Здесь когда-то был порог на реке. Старое имя зацепилось за него.

Егор посмотрел на арку. С этой стороны она казалась обычными камнями: два столба и перемычка, на которой ветер намёл тонкую полоску снега. Никакого серого вихря. Никакой белой линии.

— Почему переход открылся, если мы вышли не там?

— Потому что ты заплатил.

— Чем?

Мира взяла его за запястье и перевернула ладонью вверх. Вдоль линии жизни проступила тонкая белая полоса, похожая на старый шрам.

— Дорогой, — ответила она. — Как всегда.

Слово прозвучало обыденно. Так кассир мог сказать: наличными или картой. Егор снова попытался вспомнить путь от станции к бабушкиному дому. Он знал улицу. Знал дом с резными ставнями. Мог описать кухню и круглый стол. Но не видел ни одного поворота между платформой и калиткой.

Не забылось название или случайная подробность. Исчезла сама дорога.

— Это вернётся?

Мира не ответила сразу.

— Иногда человек вспоминает что-то рядом. Погоду. Голос. С кем шёл. Сам путь — нет.
— И все согласились на такую плату?

— Все хотели попасть на заставу до метели. Савер прочитал дорожный лист вслух. Там была указана малая плата.

— Малая?

— Короткая дорога, которую не жалко.

Егор вспомнил, как в белом свете исчезло лицо матери. Нет, не лицо — лицо осталось. Исчезло время рядом с ней, час или два, когда они искали бабушкин дом и смеялись над шляпой. Кто решил, что эту дорогу ему не жалко?

— Кто выбирает воспоминание?

— Арка.

— Тогда почему в листе написано, что плата малая?

— Потому что переход короткий.

— Для нас короткий. А для того дня?

Мира нахмурилась. Вопрос ей не понравился, но не потому, что был непонятен.

Сзади позвали проводницу. Один из задних воев застрял поперёк дороги. Мира поднялась.

— Мы поговорим, когда уберём людей от обрыва. Если ты правда не Савер, тебе придётся очень быстро научиться им быть. На Бересовой ждут этот обоз, а во дворце — тебя.

— Кто ждёт?

— Олмер Вейр.

Чужая память отозвалась раньше, чем Егор успел спросить. Серебряные пуговицы. Сухой голос. Пальцы без чернильных пятен, хотя Вейр подписывал десятки приказов. И страх — не Егора, а того человека, чьё тело он занял. Савер боялся придворного мага так давно и привычно, что страх успел стать частью осанки.

Мира заметила, как он втянул голову в плечи.

— Вот это ты помнишь, — сказала она.

— Не я.

— Разберёмся позже. Сейчас нужен переводчик.

— Для чего? Арка погасла.

Она указала вниз.

На дороге у реки двигалась цепочка огней. Сначала Егор принял их за фонари, но огни были белыми и плыли слишком ровно. Они приближались к основанию тропы, ведущей на уступ. Между ними мелькали всадники.

— Это люди заставы? — спросил он.

— Нет. На Бересовой носят синие фонари.

— Тогда кто?

— Те, кому очень интересно, почему казённый обоз выпал из закрытой дороги.

Она вынула из-за пояса короткий нож и протянула Егору.

— Я не умею.

— Резать верёвку умеешь?

— Вероятно.

— Уже достаточно. Если придётся бросить повозки, режь левую постромку. Только левую, иначе лошадь утащит воз за собой.

Егор взял нож. Рукоять была тёплой от её руки. На лезвии он увидел своё новое отражение: узкое незнакомое лицо, серые глаза, рассечённая бровь. Савер Дон смотрел на него из стали без всякой подсказки, куда делся настоящий хозяин тела.

Снизу донёсся рог. Один длинный звук и два коротких.

Люди у повозок замерли.

— Что это значит? — спросил Егор.

— Приказ оставаться на месте.

— Чей приказ?

— Того, кто уверен, что мы слушаемся.

Мира подняла свой шест и ударила медным наконечником о камень.

— Обоз, слушай! Берём только воду, лекарства и тёплые вещи. Груз остаётся. Дети идут между взрослыми. До поворота молча.

Купец у первой повозки вцепился в борт.

— Там две зимние выручки!

— Через пять минут здесь будут всадники.

— У нас казённая печать!

— Вот она их и привела.

Егор посмотрел на белые огни. Они двигались с одинаковым расстоянием, будто были отметками на диспетчерской схеме. Двенадцать всадников. До тропы оставалось меньше километра. Подъём займёт у них минут семь, может, десять. У обоза было шесть повозок, двадцать три человека и девять лошадей, одна хромала после выхода из арки.

— Если бросить всё разом, они увидят следы, — сказал он.

Мира повернулась.

— Они и так увидят повозки.

— Увидят, что мы ушли вверх. А если две лошади с пустыми возами пустить дальше по дороге?

— Там обрыв.

— Не к обрыву. За поворот и обратно к арке. Колёса разобьют наши следы. Остальных увести по камню.

— Лошади сами не вернуться.

Старуха в синем платке поднялась с земли.

— Мои вернуться, если привязать мешок овса у камней. Они умнее зятя.

Зять открыл рот, но передумал спорить.

Мира оценила дорогу, склон и приближающиеся огни.

— Сделаем. Савер, левую постромку на рыжей. Потом бери детей.

Егор хотел снова сказать, что он не Савер. Не сказал. Сейчас это имя было должностью, как «центральный» в наушнике: неважно, кто сидит у пульта, если он отдаёт нужный приказ вовремя.

Он побежал к рыжей лошади. Чужое тело двигалось уверенно по скользким камням, пока сам Егор считал расстояния и минуты. Рог снизу прозвучал ещё раз. Белые огни скрылись у основания подъёма.

Они не исчезли со схемы. Просто вошли на перегон, которого не было в расписании.

На этот раз Егор видел их сам.

Глава 2. Плата за одну версту

Мира поняла, что Савер стал другим, когда он спросил разрешения взять ребёнка на руки.

Прежний Савер не спрашивал. Он мог подхватить чужой мешок, лошадь за узду или человека за локоть с одинаковой уверенностью, будто всё вокруг на время перехода принадлежало Палате дорог. Этот же стоял перед матерью мальчика, протянув руки, и ждал ответа, хотя снизу уже слышался стук копыт.

— Берите, — сказала женщина. — Он тяжёлый.

— Тем лучше. Не сдует.

Шутка вышла неуклюжей, но мальчик перестал плакать. Савер — или человек, называвший себя Егором, — посадил его на плечи и придержал за ноги. Потом посмотрел на Миру, ожидая следующего приказа.

Она указала на серый выступ скалы.

— До него по камням. За выступом тропа раздваивается. Стой там и отправляй людей вправо.

— Куда ведёт левая?

— К реке.

— А правая?

— Тоже к реке, но через лес.

Он кивнул, словно получил исчерпывающее объяснение, и повёл первую группу. Двигался Савер привычно: ставил носок поперёк склона, не наступал на светлые камни, которые легко крошились, придерживал стариков снизу под локоть. Тело помнило работу проводника лучше головы.

Мира не знала, утешает это или пугает.

Она вернулась к повозкам. Купец Реваль стоял на коленях у сундука и перекладывал серебряные чаши в заплечный мешок.

— Одну вещь, — сказала Мира.

— Это одна служба.

— Это двенадцать чаш.

— Набор считается одной вещью.

— Для счётного писаря — может быть. Для твоей спины нет.

Реваль прижал мешок к груди. Спорить дальше было некогда. Мира разрежала шнур ножом, чаши рассыпались по доскам. Купец охнул так, будто она выпустила ему кровь.

— Выбирай одну, — сказала она. — Или оставайся сторожить все.

Он схватил ближайшую чашу. Остальные Мира толкнула обратно в сундук и захлопнула крышку.

Всадники поднимались по нижнему изгибу дороги. Белые огни были уже видны между стволами. Не фонари — дорожные камни размером с яблоко, закреплённые над сёдлами. Такие выдавали дворцовым ловчим, когда требовалось идти по следу после перехода. Камень чуял свежую плату и светился тем ярче, чем ближе оказывался к человеку, оставившему её в арке.

Савер заплатил за весь обоз один. Значит, все двенадцать камней вели к нему.

Мира отвязала рыжую кобылу, сунула ей под уздечку горсть овса и провела вокруг морды мешковиной. Запах должен был остаться на ткани. Вторую лошадь старуха вывела сама, шепча ей что-то ласковое и сердитое. Пустые повозки развернули с трудом; одно колесо прошло в ладони от края.

— Они не свалятся? — спросила старуха.

— Если не испугаются рога.

— Эта испугается только моего покойного мужа, а он далеко.

Мира привязала мешковину с овсом к камню у погасшей арки. Лошадей направили за поворот, хлопнули по крупам. Колёса загрохотали. Животные побежали по дороге, затем запах овса должен был вернуть их назад, поверх следов уходящего обоза.

Уловка была простой. Слишком простой для дворовых ловчих. Но она подарит людям несколько минут, а на Старом уступе несколько минут иногда стоили зимнего запаса.

Последними уходили трое возчиков. Мира велела им разбросать по дороге зерно из порванного мешка.

— Птицы сейчас не прилетят, — сказал один.

— Зато лошади станут топтаться. Делай.

Она проверила оставленные повозки. Лекарства забрали, воду тоже. Под одним сиденьем обнаружился свёрток дорожных листов с казённой печатью. Мира сунула его под плащ. Если ловчие пришли не за грузом, то за бумагами или переводчиком. Бумаги она им оставлять не собиралась.

Снизу прокричали:

— Именем княжеской Палаты дорог! Оставайтесь у арки!

Мира подняла с земли серебряную чашу, которую Реваль не заметил, и поставила на видное место посреди дороги. Пусть ловчие думают, что беглецы торопились сильнее, чем на самом деле.

Потом ушла за скалу.

Люди цепочкой спускались к лесу. Савер стоял у развилки, мальчик всё ещё сидел у него на плечах и крепко держался за волосы.

— Все прошли? — спросил он.

— Сорок один человек.

— Я насчитал сорок два вместе с тобой.

Мира обернулась. За спиной никого.

— Было сорок один.

— На платформе я видел двадцать три человека, потом из крытых возов вышли ещё восемнадцать. С нами сорок два.

Он говорил уверенно. Мира считала людей перед переходом дважды. Но тогда Савер был самым собой и записал сорок одного путника в дорожный лист.

— Кто пропал?

Егор снял мальчика с плеч и передал матери.

— Мужчина с перевязанной левой рукой. Был у третьей повозки.

— Это Орт, помощник Ревалья.

Купец побледнел.

— Он остался с сундуками?

— Если остался, уже встретил ловчих, — сказала Мира.

Реваль шагнул обратно, но возчики удержали его.

— Орт знает, что везём, — прошептал купец.

— Поэтому и остался?

Реваль не ответил. Мира поняла достаточно. Помощник не пропал — дождался тех, кто должен был принять обоз у неправильного выхода. Закрытая дорога, ловчие с камнями, казённая печать и купец, который больше переживал о сундуках, чем о людях. Ошибка Савера могла быть не ошибкой.

Стук копыт на уступе прекратился.

— В лес, — велела Мира. — Не бегите. Кто побежит, тот упадёт и задержит всех.

Она осталась с Егором у развилки.

— Ты правда насчитал сорок два?

— Я считаю всё, что движется там, где не должно.

— Это занятие с твоей железной дороги?

— Железной дороги, да.

Слова он произнёс на ровенском, но «железная дорога» прозвучала как грубый перевод с другого языка: путь, целиком сделанный из металла. Мира представила полосу железа от горизонта до горизонта и решила, что расспросит позже, если они доживут.

Наверху заржала лошадь. Потом раздался мужской смех. Ловчие нашли чашу.

— Идём, — сказала Мира.

Они догнали обоз у первых сосен. Здесь снега почти не было: плотные кроны держали его на ветвях, а землю покрывали бурые иглы. Следы всё равно оставались — сорок два человека не могли пройти незаметно. Мира повела их не по тропе, а вдоль каменной осыпи. Каждый ступал на гранит, передавая детей из рук в руки.

Егор шёл рядом.

— Белые огни ищут меня?

— Плату, которую ты оставил.

— Значит, ложные следы не помогут.

— Помогут, пока камни рядом с аркой. Там всё пропитано твоей памятью.

— А потом?

— Потом камни покажут сюда.

— Можно отдать им вещь? Кровь? Кусок одежды?

— Они идут не за запахом.

Он нахмурился, но не стал перебирать непонятные слова, как делал бы прежний Савер. Смотрел по сторонам, замечал склон, людей и расстояние между деревьями.

— Если они чувствуют память, почему нельзя оставить им другое воспоминание?

Мира едва не остановилась.

— Потому что человек не кошель, из которого можно вынуть нужную монету.

— Арка вынула.

— Арка старше кошельков и людей. Она умеет.

— А Вейр?

— Не произноси его имя громко.

— Почему?

— Потому что Савер никогда не произносил.

Егор посмотрел на неё.

— Ты всё ещё проверяешь меня.

— Я пытаюсь понять, кого веду.

— Ночного диспетчера с чужими руками.

— Это ничего мне не объясняет.

— Мне тоже.

Впервые за всё время в его голосе прозвучал страх. Не паника, не растерянность после арки, а простое человеческое признание: он не знает, где находится и что с ним сделали. Мира привыкла, что мужчины при Палате скрывают страх приказами. Этот спрятал его за подсчётами, но не отрицал.

Впереди вскрикнула женщина. Мальчик, которого нёс Егор, поскользнулся на осыпи вместе с матерью. Мира успела схватить женщину, Егор — ребёнка. Камни посыпались вниз, застучали по стволам.

На уступе немедленно протрубили рог.

— Теперь знают направление, — сказала Мира.

Лесная тропа уходила вправо, плавно спускаясь к реке. По ней люди могли идти быстро, но ловчие догнали бы их верхом. Слева поднимался сухой ручей, забитый валунами. Через полверсты он выводил к углежогным ямам, а дальше...

Мира закрыла глаза, восстанавливая карту. Дальше была старая дорога к деревне Вяжи. От неё можно выйти на Бересовую с запада. Она ходила там ребёнком. Десятки раз ходила.

— Сворачиваем в ручей, — сказала она.

Старуха взглянула на валуны.

— Телеги тут не пройдут.

— Телег у нас больше нет.

— У меня колени тоже не новые.

— Вас понесут по очереди.

Старуха фыркнула, но полезла первой, доказывая, что никому её не отдаст. Остальные двинулись следом. Егор помогал ставить ноги между камнями и повторял каждому одно и то же: не торопиться, держать три шага, не смотреть вниз.

Мира замыкала цепочку. Через несколько минут среди деревьев мелькнул первый белый огонь. Ловчие спешили: лошадь в ручей не заведёшь, если хочешь потом вывести живой.

— Они ближе, — сказал Егор.

— Я вижу.

— Сколько до дороги?

— Полверсты.

— Это сколько?

— Ты переводчик и не знаешь версты?

— Я знаю три разных версты из истории и одну из памяти Савера. Какая ваша?

Вопрос был нелепым только на первый взгляд. В Ровене княжеская верста была длиннее пограничной на сорок семь саженей. Палата пользовалась княжеской, проводники — той, которую проходила лошадь между двумя отдыхами на старой заставной дороге.

— Пограничная. Отсюда минут двадцать для здорового человека.

— У нас дети и трое стариков. Значит, сорок.

— Через сорок нас догонят.

Егор посмотрел на белый огонь между соснами.

— Тогда не надо выигрывать сорок минут. Надо сделать так, чтобы им стало дороже идти быстро.

Он указал на склон над сухим ручьём. Там лежали тонкие пласты сланца, подмытые осенними дождями.

— Если столкнуть верхние камни, завалим проход.

— И нижних людей тоже.

— Когда пройдут.

— Кто останется толкать?

— Я. Камни всё равно идут за мной.

Мира схватила его за рукав.

— Нет.

— Почему? Тебе нужен обоз, не я.

— Мне нужен переводчик на Бересовой.

— Ты только что сказала, что не знаешь, кто я.

— Поэтому я не оставлю тебя тем, кто знает.

Егор усмехнулся. У прежнего Савера улыбка была тонкой и неприятной; на том же лице у Егора она получалась усталой.

— Разумно.

Они выбрали узкое место, где ручей проходил между двумя плитами. Мира отправила людей дальше, оставив четверых возчиков. Вместе они поддели шестами рыхлый край осыпи. Камни дрогнули, но не пошли.

Белые огни приблизились. Уже слышались голоса ловчих.

— Савер Дон! — крикнул кто-то. — Палата требует остановиться!

Егор поднял голову.

— Они знают, что я здесь.

— Камни знают.

— Голос знает имя.

— Имя написано в дорожном листе.

— Который у тебя под плащом.

Мира выругалась. Значит, Орт сообщил им заранее. Или ловчие ждали именно Савера.

— Ещё раз! — приказала она.

Они навалились на шесты. Верхний пласт лопнул. Сначала вниз посыпалась мелочь, потом сдвинулся широкий серый камень. Егор отскочил слишком поздно. Плита ударила его по голени, сбила с ног.

Мира бросила шест и ухватила его под мышки. Возчики помогли выдернуть ногу. Следующий пласт рухнул в ручей, подняв облако пыли. Проход исчез под грудой камня.

С другой стороны закричали. Белый свет заплескал по ветвям.

— Нога цела? — спросила Мира.

Егор встал, попробовал перенести вес.

— Если медленно.

— Медленно уже нельзя.

Она закинула его руку себе на плечо. Он оказался тяжелее, чем выглядел, и заметно выше.

— Я могу идти сам.

— Тогда иди.

Через десять шагов он начал хромать сильнее. Мира молча снова подставила плечо. На этот раз он не спорил.

К углежогным ямам они вышли последними. Здесь лес расступался вокруг чёрных круглых площадок. В центре одной ещё тлели угли, прикрытые землёй. Обоз ждал у деревянного навеса. Реваль требовал продолжать путь, мать мальчика хотела перевязать ногу Егору, возчики спорили, успеют ли ловчие разобрать завал.

— Успеют, — сказала Мира. — К темноте, если работают руками. Раньше, если у них есть дорожный мастер.

— До Вяжей сколько? — спросил Егор.

Она повернулась на запад.

За ямами начинались три тропы. Одна огибала холм, другая шла через молодой ельник, третья спускалась к старому мосту. Мира знала это место. Здесь отец учил её различать следы. Здесь Тарн однажды спрятал её сапог на дереве, и она шла домой босиком. Отсюда до Вяжей было...

Она не увидела продолжения.

Перед внутренним взглядом стояли ямы, навес и три тропы. За ними — пустота. Не туман, не забытая подробность. Белое место, аккуратно вырезанное до самого дома.

— Мира? — позвал Егор.

Она пошла к тропам. На первой лежали сосновые иглы, на второй — еловые. Третью размыло водой. Любой ребёнок из Вяжей выбрал бы дорогу не задумываясь. Мира родилась там. Семнадцать лет проходила отсюда домой. После поступления в проводники возвращалась каждую весну.

Левая или средняя?

Отец говорил что-то про солнце. Тарн смеялся. Мать ставила на окно лампу в дни метели. Мира помнила лампу — глиняную, с трещиной по краю. Помнила запах лепёшек. Помнила скрип двери. Но не могла соединить ни одну тропу с этой дверью.

— Нам сюда, — сказала она и указала на среднюю.

Слова вышли слишком быстро.

Старуха в синем платке покачала головой.

— Средняя к смолокурне. Вяжи по левой.

Мира посмотрела на неё.

— Ты уверена?

— Я старая, не пустая. По левой.

Люди устали и не заметили ничего странного. Они потянулись к левой тропе. Только Егор остался рядом.

— Ты знала дорогу до перехода? — тихо спросил он.

— Знала.

— Арка взяла не только у меня.

— Плату вносит переводчик.

— В листе было сорок один, а прошло сорок два. Может, она разделила цену. Или взяла с того, кто держал путь в голове.

Мира хотела возразить. Так не работали переходы. Переводчик называл место и платил своей дорогой. Проводник отвечал за выход, но арка его не касалась.

Так говорили в Палате.

Она достала из-под плаща дорожные листы и нашла верхний. Сорок один путник. Шесть повозок. Девять лошадей. Плата — одна малая дорога переводчика. Внизу стояла подпись Савера и серебряный оттиск Вейра.

Под печатью проступала ещё одна строка, которую Мира раньше принимала за край узора. Буквы были крошечные, старые.

Егор наклонился ближе.

— Что там?

— Ты переводчик.

Он прочитал не сразу. Чужая память сопротивлялась, словно Савер много раз видел эту строку и приучил себя её не замечать.

— «При недостатке платы взыскать с ведущего», — произнёс Егор.

Мира снова посмотрела на три тропы.

Всадники могли разобрать завал. До Бересовой оставался почти день пути. В дорожном листе лгали о числе людей, арка вышла не там, помощник купца ждал ловчих, а серебряная печать разрешала дороге брать память проводника без предупреждения.

Она аккуратно сложила лист.

— Никому не говори, — сказала Мира.

— Что ты не помнишь?

— Что Палата берёт с ведущего. Люди боятся идти за проводником, который сам не знает дороги.

— Ты знаешь местность лучше всех нас.

— Я выбрала не ту тропу.

— И спросила того, кто знал. На моей работе это считалось правильным.

— На твоей работе поезда не ели память.

Егор помолчал.

— Там они ели людей, если кто-то делал вид, что всё знает.

Мира перевела взгляд на его разбитую ногу. Потом — на левую тропу, по которой уходили люди.

— Сможешь идти?

— До первой развилки.

— А потом?

— Спрошу.

Она невольно усмехнулась.

Они пошли следом за обозом. У края леса Мира обернулась на чёрные ямы, пытаясь вызвать хоть один знакомый поворот. Память молчала. Дом оставался внутри неё — окна, печь, материнская лампа, — но дороги к нему больше не существовало.

За одну неверную версту арка взяла семнадцать лет пути.

Глава 3. Два имени заставы

До Вяжей они дошли в сумерках, когда снег перестал быть белым и сделался одного цвета с небом.

Егор уже не понимал, что болит сильнее: ушибленная голень, чужая спина или голова, в которой два человека пытались узнавать одну дорогу. Савер помнил названия деревьев, цену овса и порядок слов перед каменной аркой. Егор помнил жёлтую линию у края платформы, расписание электричек и материнское сообщение, на которое не ответил перед сменой. Стоило закрыть глаза, и между этими наборами вещей возникало что-то третье: серый коридор без дверей, по которому нельзя было вернуться ни в одну жизнь.

Поэтому он не закрывал глаза.

Впереди шла старуха в синем платке. Её звали Ивена. Имя удалось узнать только на третьем часу пути: до этого она отзывалась на «бабушка», «почтенная» и один раз на «эй, вы с палкой», после чего едва не отправила купца Реваля в овраг. Ивена помнила каждую развилку и сообщала о ней так, будто лично приказала лесу вырастить именно здесь.

— За кривой сосной направо, — сказала она. — Не к ручью. К ручью ходили до большого паводка.

Мира повторила приказ людям. Голос у неё оставался твёрдым. Только перед каждой развилкой она теперь на миг замедляла шаг и смотрела на Ивену.

Остальные этого не замечали. Егор замечал.

Он шёл в середине цепочки, опираясь на вырубленный возчиком ореховый шест. Мальчик по имени Лит тащился рядом и старательно прихрамывал на ту же ногу.

— У тебя-то что болит? — спросил Егор.

— Ничего.

— Тогда зачем?

— Так быстрее идётся.

Егор проверил это утверждение и решил, что мальчик врёт. Но ритм и правда помогал. Шаг, шест, шаг. Не думать о ловчих за спиной. Не думать, что тело Савера может в любой момент вспомнить что-то раньше него. Не думать о том, сколько времени прошло на его вокзале: одна минута, как обещала щель в несуществующей памяти, или целая ночь.

Между деревьями показались крыши. Низкие, придавленные снегом, они стояли вдоль широкой ложбины. Из труб тянулся дым. У крайнего дома висела масляная лампа в красноватом глиняном колпаке.

Мира остановилась.

Егор увидел, как её рука стиснула ремень дорожного мешка.

— Это Вяжи? — спросил он.

— Да, — ответила Ивена раньше неё. — А чему ещё тут быть?

Мира ничего не сказала. Она смотрела на лампу. Наверное, не эту, а похожую ставила у окна её мать. Дом из памяти сохранился, путь исчез. Теперь путь привёл её обратно чужими подсказками, и от этого возвращение было похоже на визит к человеку, который должен тебя знать, хотя ты не уверен, что знаешь его сам.

Навстречу вышли трое мужчин с вилами и топорами. За ними держались женщины. Одна несла ведро с золой, словно собиралась тушить огонь или бросить золу в глаза незваным гостям.

— Кто ведёт? — крикнул высокий мужчина в овчинной безрукавке.

Мира шагнула вперёд.

— Мира Эль, Бересовая застава. Сорок два человека со Старого уступа. Нужны вода, перевязь и ночлег до первого света.

Высокий опустил топор.

— Мирка?

Егор почувствовал, как цепочка людей за его спиной перестала дышать. Мира не шелохнулась.

— Раст, — сказала она после короткой паузы.

Имя она знала. Лицо тоже, судя по тому, как изменился её взгляд. Арка забрала именно дорогу, а не всё, что лежало вокруг неё.

Высокий Раст подошёл ближе. На левой щеке у него был след ожога, шедший от уха к подбородку.

— Ты вошла с востока, — произнёс он. — От угольных ям.

— Там люди Вейра.

— Я не про них. Ты вошла с востока и даже не выругалась у старого брода.

Мира посмотрела на него так, что Егор ожидал новой ссоры. Но она только сказала:

— Потом.

Раст перевёл взгляд на обоз без повозок, на ребёнка в чужом плаще, на Егора в дорогой, испачканной глиной одежде переводчика.

— Ловчие близко?

— Завалили ручей, — ответил Егор. — К ночи разберут.

— Савер Дон, — узнал его Раст и снова поднял топор, уже двумя руками. — Вот кого к нам принесло.

Мира встала между ними.

— Он со мной.

— Он с Палатой.

— Был.

Одно короткое слово заставило людей заговорить разом. Егор различил «плата», «сын мельника» и «прошлой весной». Савер бы понял остальное. Чужая память поднималась тяжело, неохотно: Вяжи дважды отказывались отдавать молодых мужчин на ремонт заставы; Палата закрыла им короткий путь к рынку; Савер приезжал считать запасы зерна. Что именно он сделал, память не показывала. Она вообще охотнее отдавала названия мер, чем лица тех, кому эти меры ломали жизнь.

— Я не прошу ему верить, — сказала Мира. — Дайте перевязать ногу. На рассвете уйдём.

— До рассвета сюда придут ловчие.

— Тогда уйдём раньше.

Ивена стукнула палкой по мёрзлой земле.

— Пока вы выбираете, кого не пускать, у Ланкиной девочки жар. Хотите спорить — спорьте с ведром воды в руках.

Это оказалось сильнее имени Савера. Вяжинцы разобрали путников по домам. Больных отвели к травнице, детей — в тёплую хлебную избу, остальных разместили в сараях и банях. Реваль попытался потребовать отдельную комнату, но после взгляда Ивены согласился на место у коз.

Егора усадили в доме Раста на лавку у печи. Молодая женщина с закатанными рукавами разрешила штанину над ушибом, ощупала кость и объявила, что нога цела.

— Если бы была сломана, я бы заметил, — сказал Егор.

— Мужчины замечают сломанную ногу, когда кость торчит наружу, — ответила она. — А до того называют ушибом всё, что не хотят лечить.

Её звали Сена. Она приходилась Расту женой и Мире кем-то настолько знакомым, что обняла её без разрешения. Мира замерла, затем осторожно положила ладони ей на спину.

— Твоя мать на северной зимовке, — сказала Сена, отступив. — Вернётся через две седмицы. Тарн был здесь три дня назад.

— Зачем?

— Спрашивал, не проходила ли ты. Сказал, на Бересовой творится неладное.

Мира быстро взглянула на Егора. Имя Тарна он знал из Саверовой памяти: старший пограничник, заносчивый, неудобный, слишком часто требующий показать полные дорожные листы. Брат Миры. Пока ещё брат, которого она помнила.

— Что именно? — спросила Мира.

— Малый камень начал брать плату, — ответил Раст. — Не у всех. Позавчера девчонки носили молоко к заставе. Вернулись, а Ная не помнит тропу к ульям. Камень даже не зажигали. Егор выпрямился.

— Какой малый камень?

Раст усмехнулся без веселья.

— Переводчик не знает?

— Этот переводчик сегодня многое узнаёт впервые.

— У каждой заставы есть пробный камень, — сказала Мира. — Осколок арки. По нему проверяют имя перед открытием. Он не переносит человека, только показывает, примет ли арка слова.

— И платы не берёт?

— Не должен.

Раст подбросил полено в печь.

— Теперь берёт. Потому мы перестали к нему ходить.

Сена затянула повязку на ноге Егора. Боль стала ровной и терпимой. За окном уже темнело, но до Бересовой, по словам Раста, оставалось меньше двух часов обычным шагом. Ловчие ожидали беглецов на западной дороге; в деревню они могли войти раньше полуночи. У них оставалось время поесть, сменить повязки и уйти северной тропой.

Егор попросил принести казённый дорожный лист.

Мира положила его на стол. Раст и Сена склонились рядом. Под серебряной печатью Вейра по-прежнему проступала строка: «При недостатке платы взыскать с ведущего».

— Здесь сорок один путник, — сказал Егор. — Нас было сорок два. Арка взяла мой путь к дому и Мирин путь от угольных ям до Вяжей. Две платы вместо одной.

— Потому что один лишний? — спросила Сена.

— Возможно. Или потому что нас выбросило не туда. Или Вейр заранее велел взыскать больше.

— Ты назвал Бересовую неправильно, — сказала Мира. — Слишком поздно дал старое имя.

Егор провёл пальцем по краю листа. В современной жизни он не любил слово «возможно». На железной дороге оно означало, что данных не хватает, но решение всё равно придётся принять. Тогда раскладывали перед собой журналы, время отметок, показания приборов и искали то, что менялось между двумя случаями.

Здесь журналом служила его голова, а прибором — камень, который ел людей изнутри.

— Когда открывали арку, ты сказала: «Бересовая», — произнёс он. — Потом потребовала второе имя. Я нашёл «Берестов Порог». Какое из них старое?

— Берестов Порог. Там когда-то был порог на реке и роща. Реку отвели к мельницам, рощу вырубili. Заставу начали звать Бересовой.

— А какое живое?

— Бересовая.

— Почему арке нужны оба?

Мира пожала плечами.

— Старое имя говорит, где поставлен камень. Живое — куда идут люди.

— Так учат в Палате, — вставил Раст. — Значит, половина правды спрятана.

Егор посмотрел на скрытую строку. Старое и живое. Место и люди. Координата и назначение, подумал бы он прежде. Но эти слова здесь ничего не объясняли. Станция могла сохранить старое официальное название, тогда как пассажиры называли её рынком, заводом или последней остановкой перед домом. Диспетчер работал с первым. Человек ехал ко второму.

— Пробный камень далеко? — спросил он.

— У старого брода, — ответил Раст. — Полчаса отсюда.

Мира сразу сказала:

— Нет.

— Если он берёт плату без открытия, нам нужно знать почему.

— Нам нужно довести людей до заставы и не попасться ловчим.

— На заставе большая арка. Если мы снова ошибёмся, она возьмёт ещё одну твою дорогу. Слова прозвучали жёстче, чем он хотел. Мира отодвинулась от стола.

— Значит, ты хочешь испытать малый камень на ком-нибудь другом?

— На себе.

— Ты уже отдал достаточно.

— Поэтому у меня есть случай для сравнения.

— Ты говоришь о памяти так, будто это счётные палочки.

— Нет. Я говорю о ней так, потому что боюсь потерять следующую.

В комнате стало слышно, как в печи лопается смола. Мира смотрела на него долго, почти сердито. Потом взяла дорожный лист.

— Полчаса туда, полчаса обратно. Раст проводит.

— Я тоже иду, — сказал Раст.

— Ты только что это услышал.

— Я подтвердил, чтобы ты не передумала.

Они вышли втроём. Сена осталась собирать людей. Егор взял новый шест; старый был весь в сланцевой пыли и напоминал о белых огнях за спиной.

Ночь наступила быстро. Раст нёс закрытый фонарь, выпускавший узкую полосу света под ноги. Северная окраина Вяжей кончилась у плетня, дальше тропа пошла между заснеженными холмами. Мира держалась уверенно, пока видела деревенские огни. Когда последний огонёк пропал, её шаг стал короче.

— Здесь направо, — сказал Раст у развилки.

— Я знаю.

— Тогда почему пошла налево?

Мира вернулась на тропу.

— Проверяла тебя.

— В детстве ты врала лучше.

Егор шёл позади и делал вид, что занят ногой. Раст не спрашивал при нём, что случилось с сестрой. Возможно, уже понял.

Старый брод оказался широкой впадиной между берегами замёрзшей реки. Вода давно ушла в новый рукав, оставив округлые камни и две сгнившие сваи. На дальнем берегу торчал столб высотой по пояс. Его верх был накрыт войлочным чехлом.

Раст остановил Егора за локоть.

— Дальше не ходим.

— Почему?

— Ная стояла у этого камня. Подружки спорили, как раньше назывался брод. Одна сняла чехол. Камень засветился, хотя никто не коснулся его.

Мира обошла столб по широкой дуге и присела, разглядывая следы. Снег вокруг был истоптан, но последние отпечатки успело припорошить. От столба к реке тянулась тёмная борозда.

— Его двигали, — сказала она.

Раст поднял фонарь. У основания столба земля была взрыта. Камень не просто повернули — его вытащили из старого гнезда и поставили на несколько шагов ближе к бывшему руслу.

— Кто? — спросил Егор.

— Палата присылала мастеров месяц назад, — сказал Раст. — Сказали, укрепляют к зиме.

Егор подошёл настолько близко, насколько позволила Мира. Войлок крепился медной пряжкой. На ней серебрился знак, похожий на развилку из трёх линий. Такой же был на печати Вейра.

— Пробный камень должен стоять здесь? — спросил он.

— Он стоял возле сваи, — ответила Мира. — На старом берегу.

— Тогда его старое место и нынешнее назначение больше не совпадают.

— Камень не ходит, — сказал Раст. — Какая ему разница в трёх шагах?

Егор посмотрел на сухое русло. Для человека три шага ничего не значили. Для стрелки на железной дороге несколько сантиметров решали, по какому пути пойдёт состав. Но арка была не стрелкой. Она требовала назвать место таким, каким оно было, и таким, каким его знали сейчас.

Старый брод перестал быть бродом. Жители ходили здесь к заставе. Малый камень перенесли из точки, где старое имя было правдой, туда, где оно стало только воспоминанием.

— Как это место зовут теперь? — спросил Егор.

— Никак, — ответил Раст. — Старый брод.

— Вы говорите: «встретимся у Старого брода»?

— Нет. Говорим: у пробника.

— Значит, живое имя — Пробник.

Мира покачала головой.

— Это не имя места. Это сам камень.

— Для арки есть разница?

Он произнёс вопрос и ощутил в голове движение чужой памяти. Савер знал ответ. Не словами — привычкой, которую повторял сотни раз. Перед испытанием он всегда спрашивал местного проводника, где они стоят. Не как называется застава, а где стоят его ноги. Потом сверял ответ с Палатным сводом. Если названия расходились, Савер записывал живое слово на полях и всё равно говорил утверждённое.

— Есть Палатный свод? — спросил Егор.

Мира быстро посмотрела на него.

— На каждой заставе.

— А у пробника?

Раст вытащил из полой сваи промасленную трубку. В ней лежал свёрнутый лист. Бумага отсырела по краям, но печати сохранились. Наверху было написано: «Малый указатель Берестова Порога». Ниже перечислялись допустимые формы. «Берестов Порог», «Брод у бересты», «Восточный брод». Слова «Пробник» не было.

Внизу стояла свежая приписка: «После переноса считать прежнее имя достаточным».

Под ней — серебряная развилка Вейра.

— Он знал, — сказала Мира.

— Или проверял, — ответил Егор. — Если старого имени достаточно, живое произносят неправильно. Камень берёт разницу платой.

Раст выругался.

— Разницу между чем и чем?

— Между местом, которое помнит камень, и местом, куда идут люди.

Егор слышал, насколько безумно это звучит. Но ещё утром безумным казалось само существование арки. Теперь у него были два случая. Большая арка получила старое имя слишком поздно и взяла две дороги. Малый камень перенесли, велели называть только старым именем — и он забрал у девочки тропу к ульям.

Похожую тропу.

— Отсюда к ульям ходят через брод? — спросил он.

— Раньше ходили, — сказал Раст. — Теперь ульи стоят за новой рекой, к ним идут от мельницы.

— Но Ная помнила старую дорогу?

— Её мать держала там ульи до отвода воды.

Егор опустился на корточки. Ушиб отозвался болью. Он вытащил из кармана Савера огрызок угля и на обороте Палатного листа провёл две линии. Одну — от старого гнезда к сваям. Другую — от нового гнезда к деревне.

— Камню назвали старый брод, стоя у Пробника. Чтобы соединить два места, он взял у Наи путь, который когда-то проходил здесь и больше не существует.

— Почему у неё? — спросила Мира. — Она не переводчик.

— Может быть, она произнесла название. Может быть, стояла ближе. Может быть, печать Вейра велит взыскивать с любого, у кого есть подходящая память.

— Слишком много «может быть», — сказал Раст.

— Да. Поэтому нужен опыт.

Егор встал и протянул руку к пряжке.

Мира перехватила его запястье.

— Сначала назови, что готов отдать.

— Так не получится.

— Тогда мы не знаем цену.

— Мы никогда её не знаем. В этом и власть Палаты.

— Хорошо. Назови, что боишься отдать.

Ответ пришёл сразу: дорогу от вокзала к дому. Но её уже не было. Егор мог представить двор, подъезд, кухонное окно, даже скол на эмали старого чайника, но не мог провести себя от платформы до калитки. Арка вырезала путь чисто, оставив оба конца.

Он перебрал другие дороги. От общежития к университету. От диспетчерской к столовой через служебный переход. От квартиры до остановки. В памяти Савера лежали коридоры дворца, лестницы Палаты, тропы к заставам. Какая из них была похожа на несколько шагов между старым и новым местом камня?

— Боюсь потерять дорогу к матери, — сказал он.

Мира не отпустила руку.

— А готов?

— Нет.

— Тогда ищем другой способ.

Егор посмотрел на её пальцы поверх своего запястья. Она держала крепко, но не причиняла боли. Утром эта женщина собиралась оставить его у арки, если он солжёт. Сейчас не позволяла рискнуть памятью, которую никогда не видела.

— Есть путь, который мне не нужен, — сказал он. — Вокруг ремонтируемого перехода на вокзале. Временный обход по соседней платформе. Я ходил там всю осень и каждый раз злился.

— Камень сам выбирает.

— Но мы можем дать ему точные слова. Старое место — Берестов Порог. Живое — Пробник у Вяжей. А потом я назову путь, который согласен отдать.

— Так никто не делает.

— Потому что Палата велит считать старое имя достаточным.
Мира отпустила его.

— Один раз. Если свет станет белым, закрываем камень.

Раст встал с другой стороны столба. Мира расстегнула пряжку и одним движением сдёрнула войлок.

Под ним оказался молочно-серый камень с тёмной жилой посередине. Он напоминал кусок льда, в который вмерзла нитка. Сначала ничего не произошло. Потом тёмная жила дрогнула.

Егор положил ладонь на холодную поверхность.

Саверова память подала слова, но он не позволил ей произнести их привычно.

— Берестов Порог, — сказал Егор. — Пробник у Вяжей.

Камень потеплел.

В голове возник вокзал. Не весь — только закрытый переход, обтянутый сеткой, жёлтая табличка со стрелкой, лестница на соседнюю платформу. Дождь. Люди ворчат и обходят лужу. Егор идёт после смены, уставший, злой, считает лишние ступени.

Он удержал картину перед собой.

— Путь от третьей платформы к выходу через временный мост, — произнёс он по-русски. — Эту дорогу отдаю сам.

Камень вспыхнул тусклым янтарным светом.

Боль не пришла. Было лёгкое тянущее чувство за глазами, словно он пытался вспомнить забытое слово. Потом свет погас.

Мира немедленно накрыла камень войлоком.

— Что взял?

Егор закрыл глаза.

Вокзал стоял на месте. Третья платформа, часы над навесом, служебная дверь. Он попытался пройти от платформы к выходу. В памяти возникла жёлтая стрелка — и дальше пустота. Не страшная, не огромная. Маленькая прореха длиной в несколько минут.

— Обход, — сказал он. — Только его.

— Ты уверен?

Он вспомнил голос матери, двор, университет, диспетчерскую. Всё осталось. Даже раздражение на ремонт осталось, хотя причина стала неясной.

— Уверен.

Раст медленно обошёл столб.

— Значит, можно выбирать плату?

— Иногда. Если верно назвать оба места и предложить похожий путь.

— Ты отдал дорогу из другого мира, — сказала Мира. — Может быть, камень не умеет брать остальное.

— Большая арка взяла дорогу из того же мира.

— Тогда почему сейчас послушалась?

Егор посмотрел на накрытый камень. Ему хотелось объявить правило найденным. Два имени, добровольно названная дорога, сходство пути — и плата становится точной. Такое правило можно записать, повторить, передать другим. Но одного удачного опыта было мало. На его работе после одного совпавшего сигнала не меняли расписание всей дороги.

— Не знаю, — сказал он. — Пока знаю только, что Палатная приписка опасна и что точное живое имя уменьшает цену.

— Не уменьшает, — поправила Мира. — Делает её твоей.

Это было точнее.

Раст выдернул столб из рыхлой земли. Камень оказался тяжелее, чем выглядел. Втроем они перетаскивали его к старым сваям и установили в прежнее гнездо.

— Зачем? — спросил Егор.

— Чтобы люди не стояли на лжи, — ответил Раст.

Он соскоблил ножом приписку Вейра со свода. Потом на полях крупно написал углём: «Берестов Порог. Пробник у Вяжей. Называть оба».

— Палата за это накажет деревню, — сказала Мира.

— Палата уже наказывает. Теперь хоть будем знать за что.

На обратном пути они увидели над лесом белый свет.

Он двинулся со стороны угольных ям, быстро и ровно. Ловчие прошли завал раньше, чем рассчитывала Мира.

Раст погасил фонарь.

— До деревни четверть часа.

— Они увидят следы, — сказала Мира.

— Увидят три пары. Подумают, что мы ходили к пробнику.

— Мы и ходили к пробнику.

— Тогда впервые за день нам не придётся придумывать ложь.

Они пошли быстрее. Нога Егора ныла, но после малого камня он почти не замечал боли. Внутри него была первая твёрдая зацепка. Арки не пожирали память вслепую. Они сопоставляли названное место с пережитой дорогой. Кто-то в Палате знал это достаточно хорошо, чтобы прятать живые имена, переносить камни и перекладывать недостающую цену на проводников.

В Вяжах люди уже собирались у северного плетня. Каждому дали хлеб, флягу и полоску белой ткани, чтобы не потеряться в темноте. Сена раздала детям шерстяные чулки. Реваль спорил из-за оставленного серебра, но спорил тихо: коза успела прожевать край его плаща.

Ивена подошла к Егору.

— Проверил камень?

— Откуда вы знаете?

— Когда трое уходят ночью и стараются не смотреть на четвёртого, четвёртому всё понятно.

— Камню нужны два имени.

— Любому месту нужны два имени, — сказала Ивена. — Одно дают те, кто поставил столб. Второе — те, кому возле него жить.

Белый огонь мелькнул между дальними домами. Залаяла собака.

Мира поднялась на колоду, чтобы все её видели.

— До Бересовой идём северной тропой. Не разговаривать. Белые ленты держать перед собой. Если услышите рог, не бегите и не сходите с пути. У заставы никто не касается камня, пока я не скажу.

— А проход откроют? — спросила мать Лита.

Мира посмотрела на Егора.

— Откроют правильно.

Они вышли через огороды, пока ловчие входили с востока. Раст остался у первого дома с топором на плече. Сена обняла Миру ещё раз и сунула ей в ладонь маленькую глиняную лампу.

— Это не та, — сказала она. — Та у твоей матери. Но огонь тот же.

Мира спрятала лампу под плащ.

Северная тропа шла вдоль нового русла. Ивена снова заняла место впереди, но теперь Мира держалась рядом и спрашивала о каждом повороте вслух. Никто не смеялся. Возможно, люди решили, что так и должен работать проводник в темноте. Возможно, слишком устали, чтобы замечать.

Егор замыкал цепочку. За деревней раздался рог. Белый свет растёкся между крышами, остановился у дома Раста, затем разделился на несколько огней.

Один пошёл к старому броду.

Другие двинулись по их следу.

До Бересовой оставался час. Егор повторял два имени в такт шагам: Берестов Порог, Бересовая застава. Старое место и живое. Камень и люди. Между ними лежала цена, которую Вейр прятал мелкими буквами.

Теперь Егор хотя бы знал, где искать крупные.

Глава 4. Переводчик при дворе

Бересовая застава встретила их закрытыми воротами.

На востоке уже серело, но сторожевые чаши над стеной продолжали гореть. Их красный свет ложился на снег ровными кругами. В каждом круге стоял человек с копьём. Ворота были обиты железом, калитка рядом тоже заперта, а над аркой перехода висела чёрная ткань — знак, что камень запрещено будить.

Мира трижды ударила дорожным шестом в медную полосу.

— Сорок два путника со Старого уступа! — крикнула она. — Есть дети и больные. Откройте пешую калитку.

На стене появился человек в меховой шапке.

— Назови себя.

— Мира Эль, проводница Бересовой.

— Мира Эль числится при пропавшем обозе.

— Поэтому я стою перед тобой вместе с обозом.

Стражник наклонился, всматриваясь в людей. Егор узнал его раньше, чем Саверова память подсказала имя. Тарн Эль был похож на сестру не лицом, а неподвижностью. Он так же замирал перед решением, будто всё лишнее в нём выключалось. Высокий, широкоплечий, с седой прядью над правым виском, он носил поверх кольчуги коричневый плащ старшего пограничника.

— Где повозки? — спросил Тарн.

— На уступе.

— Где груз?

— Там же.

— Где переводчик?

Егор вышел вперёд.

На стене зашептались. Тарн снял ладонь с навершия меча, но лишь затем, чтобы положить её на перила.

— Савер Дон, — сказал он. — Ты должен быть мёртв.

— У меня сегодня не получилось выполнить много чужих ожиданий.

Мира бросила на Егора короткий взгляд: не время. Он и сам понимал, но усталость делала язык быстрее осторожности.

— Открой, Тарн, — сказала она. — Ловчие идут за нами.

— Они уже здесь.

За воротами лязгнула цепь. Егор приготовился увидеть открывающуюся калитку, но вместо этого на стену поднялся ещё один человек. На нём не было доспеха. Длинная тёмно-синяя шуба, серебряные застёжки, непокрытая голова, хотя мороз хватал за уши. Волосы у висков почти белые, лицо узкое и спокойное.

Саверова память сжалась прежде, чем Егор узнал Олмера Вейра.

Это ощущение было телесным. Плечи сами опустились, дыхание стало мелким, правая рука потянулась к груди в придворном приветствии. Егор перехватил собственное запястье и удержал.

Вейр заметил движение.

— Переводчик Дон, — произнёс он негромко, но на стене все умолкли. — Вы доставили мне немало хлопот.

— Я доставил сорок два человека.

— Сорок один, согласно вашему листу.

Ивена фыркнула так громко, что её услышали наверху.

— Один человек нашёлся сверху, — продолжил Егор. — Или был спрятан в счёте снизу.

— Откройте калитку, господин Вейр, — потребовала Мира. — Разговор проведём внутри.

Вейр перевёл взгляд на неё.

— Проводница, по чьей вине обоз ушёл к ложному выходу, не выбирает место разбирательства.

Люди за спиной Егора зашевелились. После ночного пути им обещали стену, огонь и безопасность. Вместо этого их держали перед воротами как доказательство чужой вины.

Егор посмотрел на красные круги от сторожевых чаш. Копейщики стояли не лицом к лесу, а лицом во двор. Они охраняли не заставу от внешней опасности. Они не давали собственным людям подойти к воротам.

— Если мы виновны, впустите свидетелей, — сказал он.

— Свидетелей чего?

— Того, что происходило в арке.

— В арке находился один обученный переводчик. Остальные пережили испуг и не могут судить о причинах.

— Удобно.

Мира наступила Егору на носок. Ушибленная нога отозвалась болью, зато он замолчал.

Тарн перегнулся через перила.

— У девочки жар?

Мать Лита вывела вперёд дочь, завёрнутую в два плаща.

— С ночи. Травница дала кору, но она не пьёт.

Тарн повернулся к Вейру.

— По заставному праву больного принимают до суда.

— Принимайте, — разрешил Вейр. — По одному. Обыскать всех. Переводчика и проводницу отделить.

Калитка открылась на ширину плеч. Сначала пропустили женщину с девочкой. Потом детей, стариков и остальных путников. У каждого стражники забирали дорожные жетоны, развязывали мешки, проверяли рукава. Купец Реваль возмутился, когда у него отняли единственную серебряную чашу, но Ивена шепнула что-то о козе, и он подчинился.

Егор вошёл предпоследним. У калитки его ждали двое ловчих с белыми камнями над плечами. Камни светились ярко и тянулись к нему на кожаных ремнях, словно живые.

— Снять пояс, — приказал один.

Егор отдал нож Савера, кошель, огрызок угля и свёрнутый лист Палаты.

Ловчий развернул лист. Под печатью Вейра чернели две нарисованные линии и объяснение опыта у Пробника.

— Это моё, — сказал Егор.

— Это казённое.

— Казённое там только враньё мелкими буквами.

Ловчий ударил его под рёбра. Не сильно, ровно настолько, чтобы показать, что следующий удар может быть сильнее. Тело Савера знало правило: согнуться, извиниться, не смотреть в лицо. Егор согнулся, потому что воздух вышел сам, но извиняться не стал.

Мира шагнула к ловчему. Второй сразу положил ладонь на меч.

— Не здесь, — сказал Тарн изнутри двора.

В этих двух словах не было угрозы. Только обещание, что он запомнил.

Миру обыскала женщина-стражник. Из-под плаща достали глиняную лампу Сены, кусок хлеба, моток верёвки и второй дорожный лист. Лампу вернули. Лист забрали.

Калитка закрылась за ними.

Бересовая застава оказалась маленьким городом, втиснутым между стенами. Конюшни, кузница, две казармы, постоялый двор и длинное здание Палаты стояли вокруг круглой площади. В центре под навесом возвышалась арка. Даже накрытая чёрной тканью, она притягивала взгляд. Камни были выше деревенского дома, а между ними оставалось пространство, в которое могла въехать повозка.

У подножия арки сидели люди.

Их было не меньше сотни. Мужчины с мешками, женщины с корзинами, солдаты, двое монахов, семья с грудным ребёнком. Очередь огибала площадь и заканчивалась у закрытого окна Палаты.

— Почему они здесь? — спросил Егор.

— Ждут открытия, — ответила Мира.

— Давно?

Тарн шёл рядом под охраной двух копейщиков.

— Третий день. Вейр закрыл арку после вашего исчезновения.

— Пешая дорога открыта.

— Для тех, у кого есть пропуск Палаты. Остальных не выпускают, чтобы не разносили слухи.

Егор оглянулся на ворота. Красные круги, копыа внутрь. Застава превратилась в клетку раньше, чем они к ней пришли.

Их отвели не в караульню, а в здание Палаты. Внутри пахло горячим воском и мокрой шерстью. На стенах висели карты дорог, каждая под стеклом. Светлые линии соединяли заставы, тонкие синие нити показывали реки. Некоторые линии медленно двигались.

Егор остановился.

— Не трогай, — тихо сказала Мира.

— Они живые?

— Они казнённые.

Саверова память поправила: стеклянные карты. Только здесь это были большие настенные листы, на которых собранные дороги превращались в чертёж. Егор увидел крошечный огонёк, ползущий от Вяжей к Бересовой. Их путь. Или память о нём.

Ловчий толкнул его в спину.

— В кабинет.

В комнате Вейра было жарко. Два окна выходили на площадь, третье — прямо на арку. На столе стояли весы с прозрачными чашами. В одной лежал осколок стекла, внутри которого шёл летний дождь. В другой — медный ключ.

Вейр вошёл следом, снял шубу и аккуратно повесил её на деревянные плечики. Под шубой оказался простой серый кафтан без наград. Он мог бы сойти за учителя или лекаря, если бы Саверова память не заставляла желудок сжиматься от каждого его движения.

— Оставьте нас, — сказал Вейр.

Ловчие вышли. Тарн остался у двери.

— Вас это тоже касается, старший Эль, — произнёс Вейр. — Но снаружи.

— Проводница — моя сестра.

— Именно поэтому снаружи.

Тарн посмотрел на Миру. Она едва заметно кивнула. Дверь закрылась.

Вейр сел за стол и разложил оба дорожных листа.

— Начнём снова, — сказал он. — Сколько путников вошли в арку?

— Сорок два, — ответил Егор.

— В листе сорок один.

— Лист составил Савер.

— Вы и есть Савер.

— Нет.

Мира резко повернула голову. До этого Егор признался только ей. Вейру говорить было опасно. Но притвориться Савером под взглядом человека, который знал каждую его привычку, было ещё опаснее.

Вейр не удивился.

— Как вас зовут?

— Егор Ланской.

— Откуда?

— Из места, которого нет на ваших картах.

— Такие места обычно существуют только до первого хорошего допроса.

— Тогда задавайте хорошие вопросы.

Вейр сложил руки. На среднем пальце левой виднелся тонкий белый шрам.

— Что последнее помнит Савер Дон?

Егор прислушался к чужой памяти. Каменная арка, дорожный лист, рука Орта на запоре третьей повозки. Потом тёмная комната. Вейр стоит у стола и держит прозрачную пластину. Савер говорит: «Этой платы не хватит». Вейр отвечает: «Ведущая молода».

Воспоминание оборвалось так резко, что Егор стиснул край стула.

— Он говорил вам, что платы не хватит.

Вейр чуть склонил голову.

— Когда?

— Перед переходом.

— Что я ответил?

— Что ведущая молода.

Мира побледнела.

Вейр взял со стола медный ключ и переложил в другую чашу весов. Стекланный осколок поднялся.

— Значит, часть Савера сохранилась.

— Достаточная часть, чтобы понять: вы заранее собирались взять память Миры.

— Я собирался доставить лекарство на пограничье. Переводчик сообщил, что его платы достаточно. Проводница вывела обоз к неверной арке.

— Лист говорит обратное.

— Лист говорит: при недостатке платы взыскать с ведущего. Это обычное условие срочного перехода.

— Обычное для кого? Мира его не видела.

— Проводник подписывает службу один раз. Не каждую поездку.

Мира положила ладони на стол.

— Я не подписывала разрешение брать дороги без предупреждения.

— Вы подписали Устав Палаты.

— Мне было семнадцать. Тарн привёл меня после смерти отца. Дали лист на шести страницах и велели поставить имя внизу.

— Незнание условий не отменяет службы.

— Тайная строка не становится честной оттого, что вы назвали её условием.

Вейр посмотрел на неё без раздражения. Так смотрят на треснувший инструмент, решая, чинить или заменить.

— Вы забыли дорогу к Вяжам?

Мира отёрнула руки.

Егор понял: белые камни ловчих показывали не только направление. Вейр знал, какую плату забрала арка. Возможно, видел её на настенной карте.

— Откуда вам известно? — спросил он.

— Я отвечаю за сеть.

— Значит, вы видели две платы и всё равно объявили виновной Миру.

— Я вижу следствие. Причину устанавливает Палата.

— Палата — это вы?

— В данный момент — да.

Вейр придвинул дорожный лист к Егору.

— Вы нашли старое имя по жетону. Произнесли его после начала открытия. Арка искала Бересовую заставу среди мест, которые когда-либо назывались Берестовым Порогом, и взяла добавочную дорогу у ведущей. Это ошибка переводчика.

— Почему Савер не назвал имя сразу?

— Спросите его.

— Я спрашиваю вас. Вы знали, что платы мало. Орт добавил лишнего путника и остался ждать ловчих. Кто велел ему?

Впервые спокойствие Вейра изменилось. Не исчезло — стало внимательнее.

— Орт жив?

— Был, когда мы уходили.

— Он состоял при купце.

— Он знал, где откроется арка.

— Любой помощник знает место доставки.

— Не правильное место. Ошибочное.

Мира взглянула на Егора. Этого они раньше не произносили так ясно. Орт остался на Старом уступе до появления ловчих. Значит, либо знал о сбое заранее, либо получил приказ дожидаться их в любом месте. Оба ответа вели к Палате.

Вейр поднялся и подошёл к окну. На площади люди сидели у накрытой арки. Начинался снег.

— Вы хотите простого злодейства, Егор Ланской, — сказал он. — Человека, который крадёт память ради удовольствия, и бумагу, доказывающую всё сразу. Вам будет трудно здесь жить. Ровен держится на переходах. Без них северные заставы останутся без хлеба, южные — без руды, пограничье — без лекарств. Каждый быстрый путь имеет цену. Я лишь распределяю её так, чтобы княжество не умерло.

— Между теми, кто не знает, что платит.

— Если спрашивать каждого, согласен ли он лишиться одной дороги ради сотни больных, обоз будет стоять до весны.

— Тогда везите лекарства обычной дорогой.

— И похороните тех, кто не дождался?

Егор вспомнил грузовой, остановившийся в темноте за несколько сотен метров от пассажирского состава. Диспетчер тоже принимал решения за людей, которые не знали его имени. Перекрывал путь, задерживал поезда, отправлял бригаду под дождь. Но существовали журналы, дежурные, расследования. Решение можно было восстановить по минутам. Здесь Вейр сам создавал правило, скрывал его и объявлял неизбежностью.

— Покажите расчёт, — сказал Егор.

— Что?

— Сколько людей спасли эти лекарства. Чьи дороги забрали. Почему выбрали Миру. Какие другие пути были. Покажите запись, где это решено.

Вейр усмехнулся.

— Вы и правда не Савер.

— Савер не спрашивал?

— Савер понимал, что управление не помещается в дорожный лист.

— Зато вина Миры у вас поместилась заранее.

Вейр вернулся к столу.

— К полудню на площади соберут заставный суд. Вы расскажете, что забыли старое имя и неверно открыли арку. Проводница подтвердит, что повела людей к неправильному выходу. Я объявлю вам обоим взыскание, после чего оставлю на службе. Люди получают виновных, застава откроется, обозы пойдут дальше.

— А если мы скажем правду?

— Какую именно? Что в теле переводчика поселился человек из невозможного мира? Что камни едят дороги, хотя каждый взрослый в Ровене знает цену перехода? Что проводница забыла путь домой и больше не может служить? Вы разрушите доверие к двум людям, но не к Палате.

Мира молчала. Для неё угроза была точной. Признается, что не знает родных дорог, — лишится шеста и права вести людей. Скроет — поможет Вейру обвинить себя.

— Вы забыли ещё одну правду, — сказал Егор. — Пробный камень у Вяжей.

Вейр не двинулся.

— Что с ним?

— Ваши мастера перенесли его и велели считать старое имя достаточным. Девочка потеряла дорогу к ульям. Я назвал старое и живое имя, предложил похожий путь добровольно, и камень взял именно его.

Тишина длилась один удар сердца. Но этого хватило.

Вейр знал.

— Малые камни непостоянны, — сказал он.

— Вы провели опыт раньше меня?

— Палата испытывает множество способов снизить цену.

— Тогда зачем написали обратное?

— Чтобы необученные люди не будили арки случайными словами.

— Вы спрятали живое имя.

— Живые имена меняются. Сегодня Пробник, завтра Кривой Столб, послезавтра Девичий Камень. Сеть нельзя строить на деревенских прозвищах.

— Но сеть их слышит.

— Именно поэтому их следует контролировать.

Вот оно. Не лекарство, не срочность, не неизбежная цена. Вейр боялся не того, что люди назовут место неверно. Он боялся, что они научатся называть его без Палаты.

Егор увидел это одновременно с Мирой. Она едва заметно выпрямилась.

Вейр тоже понял, что сказал больше необходимого.

— До суда вы останетесь раздельно, — произнёс он. — Советую отдохнуть.

— Я хочу увидеть путников, — сказала Мира.

— После показаний.

— Они шли за мной всю ночь.

— Поэтому ваши слова для них опасны.

Он позвонил в маленький колокольчик. Вошли ловчие.

Егора отвели в комнату на втором этаже. Окно зарешечено, дверь без ручки изнутри, кровать и кувшин воды. Не темница — слишком чисто. Не гостевая — слишком заперто.

Когда шаги стихли, Егор обыскал стены. Саверова память знала здание Палаты, но комнату не узнавала. Под кроватью ничего. Решётка входила в камень глубоко. Кувшин был глиняный и при желании превращался в острый черепок, но Егор не собирался резать охрану и бежать один.

Он сел на пол у окна и посмотрел на площадь.

Через час чёрную ткань с арки сняли. Очередь ожила. Служители Палаты поставили ограждения, стражники разделили людей на группы. У каждой группы проверяли жетоны. Тех, у кого жетонов не было, оттесняли к стене.

Вейр не ждал суда. Он готовил открытие.

Егор прижал лицо к решётке. У подножия арки установили стол с дорожными листами. Молодой переводчик в зелёном кафтане сверял имена. Рядом стояли три проводника. Ни один не спрашивал путников, какую дорогу они готовы отдать.

На стеклянной карте в коридоре за дверью что-то звякнуло.

Егор замер.

Звук повторился — тихий, как ноготь по стакану. Потом за стеной послышался шорох.

— Эй, — прошептал женский голос.

Мира.

Он приложил ухо к камню.

— Ты где?

— В соседней комнате. Здесь есть дымовой ход между печами.

— Ты умеешь разговаривать через стены?

— В детстве Тарн запирает меня в кладовой. Я научилась.

— Очень полезный брат.

— Он считал, что спасает варенье.

Егор впервые за утро улыбнулся.

— Арку готовят к открытию, — сказал он.

— Вижу край площади. Тарн прислал мальчишку с водой. На дне кружки было нацарапано: «Суд в полдень. Говори при людях».

— Вейр не позволит.

— Тарн — старший пограничник. На заставном суде он имеет право задавать вопросы.

— Если его не сменят до полудня.

За стеной стало тихо.

— Егор, — сказала Мира. — Если меня спросят о дороге к Вяжам, я не стану лгать.

— Тогда Вейр лишит тебя службы.

— Если солгу, он будет прав. Люди пойдут за проводницей, которая скрывает пустоту.

— Ты не пустая.

— У угольных ям я повела их не туда.

— И исправилась, когда получила новый факт.

— Для проводника это слабое утешение.

— Для живого человека — единственный способ не стать Вейром.

Она долго не отвечала.

На площади молодой переводчик поднял руки. Служители подвели к арке первую группу — двенадцать человек с одинаковыми синими жетонами. Судя по мешкам, торговцы тканью. Проводник встал впереди.

— Они открывают, — сказал Егор.

Мира за стеной зашевелилась.

— Какое направление?

— Не вижу лист.

Переводчик произнёс имя. Из-за стекла Егор не слышал слов, но камни арки засветились изнутри. Между ними натянулся серый воздух.

На настенной карте в коридоре звякнуло громче.

Один из торговцев на площади внезапно схватился за голову. Его сосед удержал его на ногах. Стражники подтолкнули группу вперёд.

— С них уже берёт, — сказал Егор.

— До прохода?

— Да.

Он следил за молодым переводчиком. Тот побледнел, пошатнулся, но продолжил говорить. Значит, платил сам. Почему же торговец тоже почувствовал удар?

На столе лежало двенадцать синих жетонов. Все одинаковые. Один лишний, подумал Егор. Или один недостаточный.

Серое пространство внутри арки стало прозрачнее. За ним показалась другая площадь, залитая дождём.

Торговцев повели к проходу.

— Нужно остановить их, — сказал Егор.

— Дверь заперта.

Он взял кувшин и ударил им о край кровати. Глина раскололась. Вода растеклась по полу. Из осколков он выбрал самый широкий.

— Что ты делаешь?

— Подаю сигнал.

Егор подошёл к двери и начал скрести осколком по железной накладке. Звук получился отвратительный, пронзительный. Охранник снаружи выругался.

— Прекратить!

Егор продолжил.

Засов отодвинулся. Дверь распахнулась, в комнату шагнул ловчий. Егор не напал. Он бросил осколок и указал на окно.

— У них лишняя плата.

— Назад.

— Посмотри на третьего слева. Он уже что-то потерял.

Ловчий ударил Егора плечом, оттесняя от двери. Но сам повернул голову к площади. В этот момент из соседней комнаты раздался грохот. Мира выбила табуретом дверную створку — не замок, а нижнюю доску возле петель.

Ловчий обернулся. Егор толкнул его в коридор и захлопнул дверь снаружи. Ключ торчал в замке. Один поворот — и ловчий оказался заперт в комнате, где только что держали Егора.

Мира выбралась через пролом на четвереньках.

— Сигнал был для меня? — спросила она.

— Для всех.

Они побежали по лестнице. Ушибленная нога едва не подвела Егора на повороте, Мира поймала его за локоть. Снизу поднимались двое стражников. Она толкнула столик с чернильницами. Стражники отскочили от чёрных брызг, и этого хватило, чтобы проскочить через боковую дверь на площадь.

Первая пара торговцев уже вошла в арку.

— Стойте! — закричал Егор.

Никто не остановился. Стражники у ограждения двинулись ему навстречу.

Мира выхватила дорожный шест у ближайшего проводника и ударила бронзовым накопчиком о камень. Звон прокатился по площади.

— Ведущая требует проверки имени! — крикнула она.

Это сработало. Молодой переводчик сбился. Проводники у арки замерли. Даже стражники оглянулись: видимо, требование имело силу старого правила.

— Имя проверено Палатой, — сказал переводчик.

— Назови старое и живое! — потребовала Мира.

— Речные Ворота, — ответил он.

— Это какое?

— Допустимое.

— Старое или живое?

Переводчик посмотрел на стол, и Егор увидел страх. Не перед аркой — перед человеком, который стоял на ступенях Палаты.

Вейр вышел без шубы. За ним шли ловчие.

— Продолжайте переход, — приказал он.

— Один путник уже заплатил лишнее, — сказал Егор. — Третий слева. Спросите, что он забыл.

Все взгляды обратились к торговцу. Тот стоял, вцепившись в рукав товарища.

— Я не... — начал он и оглянулся на ворота. — Я не знаю, где моя лавка.

— Он испуган, — сказал Вейр.

— Как называется улица? — спросил Егор.

— Медная. Нет. За мостом. Я каждый день...

Торговец заплакал. Не громко, скорее от ярости. Его тело помнило, что дорога проста, ноги готовы были идти, но между площадью и лавкой появилась белая пустота.

Люди в очереди поднялись. Кто-то отступил от арки. Серое пространство между камнями задрожало.

— Закрыть переход, — приказал Вейр.

Молодой переводчик облегчённо опустил руки. Свет погас. Двое торговцев, успевшие пройти, остались на другой стороне. Их силуэты исчезли вместе с дождливой площадью.

— Вы разделили группу, — сказал Егор.

— Вы сорвали открытие, — ответил Вейр. — И подвергли людей опасности.

— Какое живое имя Речных Ворот?

Молчание.

Егор повернулся к очереди.

— Кто знает место на другой стороне?

— Мокрый Рынок, — сказала женщина с корзиной. — Все зовут его Мокрым Рынком.

— Потому что там навес течёт, — добавил кто-то.

— Речные Ворота и Мокрый Рынок, — повторил Егор. — Камню дали только половину.

Недостающее он взял дорогой к лавке.

— Довольно, — сказал Вейр.

Ловчие схватили Егора за руки. Мира подняла шест, но Тарн появился между ней и стражниками.

— Полдень ещё не наступил, господин Вейр, — сказал он.

— Заставный суд отменён.

— Суд назначен при свидетелях. Отменить его может начальник заставы.

— Начальник заставы подчиняется Палате дорог.

— В делах перехода. Не в заставном праве.

Тарн говорил спокойно, однако копейщики в красных кругах один за другим поворачивались к нему. Не все. Достаточно, чтобы Вейр заметил.

Люди на площади окружали арку. Они спрашивали друг друга о живых именах, о потерянных улицах, о цене. Страх ещё держал их возле мест, но молчание уже сломалось.

Вейр оценил площадь, стражу, открытую калитку и чёрную ткань у подножия арки.

— Суд состоится, — сказал он. — Переводчик Дон ответит за неправильное открытие на Старом уступе и за сегодняшний срыв. Проводница Эль — за потерю обоза и нарушение приказа. До полудня они остаются под стражей.

— А торговец? — спросил Егор.

— Получит помощь Палаты.

— Вы вернёте ему дорогу?

Вейр посмотрел на него.

— Память не возвращается.

На верхней галерее здания тихо звякнула стеклянная карта.

Егор поднял голову. За окном по прозрачному листу двигался новый огонёк — от арки к кабинету Вейра.

— Тогда что вы сейчас забрали наверх? — спросил он.

Вейр проследил его взгляд.

И впервые Егор увидел на его лице не спокойствие и не досаду.

Страх.

Глава 5. Стеклянная карта

Страх исчез с лица Вейра так быстро, что Мира могла бы решить, будто ей показалось. Он опустил глаза, поправил серебряную застёжку на рукаве и снова стал человеком, которому на заставе принадлежали и двери, и ключи, и право объяснять чужую боль.

Но Егор тоже заметил.

Он смотрел не на мага, а на верхнее окно Палаты, где по стеклу только что пробежал огонёк. Ловчие держали его за руки. Один заломил запястье выше лопатки, второй прижимал локоть к боку, а Егор всё равно тянул шею, словно мог прочесть карту через двор и два этажа.

— Отвести их, — приказал Вейр.

— Суд на площади, — напомнил Тарн. — При людях.

— В полдень. До него ваши люди успеют вернуть порядок.

Тарн не двинулся. Красные круги на снегу уже растоптали. Стражники стояли как попало: одни возле арки, другие у ворот, третьи между очередью и Палатой. Раньше такой беспорядок вывел бы брата из себя. Сейчас он смотрел только на Вейра.

— Порядок начнётся с тех двоих, что остались на Мокром Рынке, — сказал он. — Их надо вернуть.

— Для нового открытия потребуется плата.

По площади прошёл гул. Женщина с корзиной, назвавшая живое имя рынка, прижала корзину к груди и отступила от арки. Молодой переводчик у стола побелел ещё сильнее.

— И старое имя, — добавил Егор. — Оба имени у вас уже есть. Возьмите моё воспоминание.

Мира повернулась к нему.

— Нет.

Он будто не услышал.

— Я назову дорогу заранее. От Бересовой до Вяжей. Я прошёл её сегодня и помню каждый поворот.

— Ты не знаешь, насколько она длинная для арки.

— Двух людей надо вытащить.

— А если она возьмёт не это?

Егор наконец посмотрел на неё. В его лице не было храбрости, которой любят прикрывать глупость. Он боялся. Просто считал, что двое на другой стороне важнее этого страха.

Мира знала такой счёт. Сначала отдаёшь одну дорогу, потому что людям нужно лекарство. Потом вторую, потому что обоз отрезан снегом. Потом перестаёшь помнить, где жил твой отец, но Палата объясняет: пограничье уцелело.

— Нет, — повторила она. — Пусть платит тот, кто открыл арку неправильно.

Взгляды обратились к молодому переводчику. Он сжал край стола.

— Я читал по листу.

— На листе было одно имя, — сказал Егор. — Ты знал, что нужно два?

Переводчик посмотрел на Вейра. Ответ получился без слов.

Торговец, забывший дорогу к лавке, сидел прямо на снегу. Товарищ растирал ему плечи и повторял: «Медная улица, третий мост, вывеска с иглой». Тот кивал, но лицо оставалось пустым.

Вейр подошёл к столу, взял один из синих жетонов и положил на ладонь.

— Плату внесёт Палата, — сказал он. — Из казённого запаса.

Молодой переводчик поднял голову. Ловчие обменялись быстрыми взглядами. Мира поняла, что никто из них такого не ожидал.

— Как память может быть казённой? — спросил Егор.

— Так же, как зерно или серебро. Её отдали для нужд княжества.

— Кто отдал?

— Вы получите возможность задавать вопросы на суде.

Вейр велел снять чёрную ткань с арки. На этот раз молодой переводчик произнёс оба имени: Речные Ворота и Мокрый Рынок. Потом ловчий принёс из Палаты узкую стеклянную пластинку. Внутри неё дрожал дождливый переулочек. На дальнем конце человек в жёлтом плаще бежал через лужи, прикрывая голову свёртком.

Вейр вставил пластинку в щель у основания арки.

Камень загудел. Из стекла вытянулась светлая нить, прошла по вырезанным знакам и исчезла между серыми плитами. Человек в жёлтом плаще сделал ещё шаг и растворился. Пластинка стала прозрачной.

Мира сжала дорожный шест.

Память не возвращается, сказал Вейр несколько мгновений назад. Но память могла лежать в руке, освещать чужую дорогу и исчезать по приказу.

— Это и есть ваша помощь? — спросил торговец на снегу. — Моя лавка там?

Вейр даже не взглянул на него.

Арка открылась ровно на ширину одного человека. За ней показался Мокрый Рынок. Двое оставшихся торговцев стояли под дырявым навесом, окружённые местной стражей. Их быстро провели обратно. Переход закрылся. На этот раз никто не пошатнулся и не схватился за голову.

— Вы знали, что можно платить сохранённой памятью, — сказал Егор.

— Теперь знаете и вы.

— Чья она была?

— Казённая.

— У казны нет ног, господин Вейр.

В толпе кто-то коротко рассмеялся. Смех тут же оборвался, но Мира увидела, как Вейр запомнил направление звука.

Он кивнул ловчим.

— В Палату.

На этот раз Тарн пропустил их. Мира поняла почему, когда он сказал стражнику рядом:

— К суду принести книги изъятий за нынешний месяц. Все дорожные листы. И ту стеклянную плату, если от неё что-нибудь осталось.

Стражник замялся.

— Ключи у мастера Палаты.

— Тогда мастер придёт с ключами.

Вейр обернулся.

— Заставный суд разбирает действия служащих, а не имущество князя.

— Суду нужно понять, что случилось на моей заставе.

— На вашей заставе случилось неповиновение.

— Значит, вам будет легко это доказать.

Мира не помнила, чтобы брат когда-либо говорил с придворным магом таким тоном. В детстве он мог спорить с отцом из-за плохо наточенного ножа, но перед старшими всегда становился сухим и правильным. Наверное, думала она, Тарн тоже менялся. Просто она видела его слишком редко и хранила старую версию, как Палата хранила старые имена.

Или часть этих перемен уже была в тех годах, которые арка вырвала из неё.

Их повели не наверх, а в комнату у архива. На двери висели три замка, рядом сидел писарь с красными от недосыпа глазами. При появлении Вейра он вскочил и опрокинул песочницу.

— Открывай, — велел маг.

— Господин, там утром принимали новые вложения. Опись не закончена.

— Поэтому я и здесь.

Писарь достал из-под кафтана связку ключей. Один замок открылся большим железным ключом, второй — плоским медным, для третьего Вейр снял кольцо с мизинца. Кольцо вошло в круглое отверстие. За дверью что-то тонко пропело.

Егор наклонился к Мире.

— Запомни порядок.

— Уже.

— Железо, медь, кольцо.

— Я умею считать до трёх.

— Это успокаивает.

Их завели внутрь. Мира ожидала увидеть подземную темницу для памяти — сырость, цепи, чёрные свечи. Архив оказался похож на склад хорошего посудника. Светлая комната, крепкие полки, войлочные прокладки, ящики с аккуратными номерами. На столах лежали щипцы, ножи для стекла и маленькие весы. Изразцовая печь грела так ровно, что снег на сапогах сразу превратился в воду.

Только вместо чаш и оконных стёкол на полках стояли дороги.

В каждой пластинке двигался крошечный мир. Вот берег, по которому ветер гнал белую траву. Вот лестница из семи ступеней, залитая летним солнцем. Вот грязная колея между соснами. Где-то покачивался фонарь, где-то женщина несла ребёнка, где-то собака бежала впереди телеги и оглядывалась на хозяина.

Мира остановилась у ближайшей полки.

В стекле мальчик шёл по броду. Вода доходила ему до колен. Он держал над головой башмаки и смеялся кому-то на другом берегу. Лица не было видно, но смех Мира услышала — не ушами, а так, словно он родился у неё под языком.

Она отшатнулась.

— Не приближайтесь, — сказал писарь. — Свежая карта может узнать похожую дорогу.

— Узнать? — переспросил Егор.

Вейр бросил на писаря взгляд.

Тот опустил голову.

— Так говорят мастера. Это рабочее слово.

— Что случится, если узнает?

— Ничего, если стекло цело.

— А если нет?

— На суде, — оборвал Вейр. — Мы пришли установить, куда поступила память торговца.

Он прошёл к длинному столу. В его торце стояла медная рама, соединённая тонкими проволоками с настенной картой. На карте светились заставы Ровена. От Бересовой к дворцу шли десятки линий. Большинство были тусклыми, три горели ярко. Одна пульсировала у самой рамы.

Писарь поднёс пустую пластинку и коснулся ею светлой точки. По проволоке пробежал огонёк. В стекле появилась улица: низкие дома, мост, медная вывеска с иглой. Тот самый торговец шёл к лавке, здоровался с булочницей, обходил лужу у колодца. Движения повторялись, как короткая песня.

— Вот она, — сказал Егор.

— Поступление сегодняшнего дня, — подтвердил писарь. — Без имени владельца. Избыточная плата при открытии на Речные Ворота.

— Не избыточная, — сказала Мира. — Взятая из-за неправильного имени.

Писарь посмотрел на Вейра и ничего не записал.

— Верните её человеку, — потребовал Егор.

— Это невозможно, — ответил маг.

— Вы только что вставили другую карту в арку.

— Использовать память как плату и вернуть владельцу — не одно и то же. Если вы сожжёте хлеб в печи, голодный не станет сыт от дыма.

— Тогда почему карта показывает именно его дорогу? Она не уничтожена.

— Отпечаток сохраняется. Переживание — нет.

Егор шагнул к столу, и ловчий дёрнул его назад.

— Дайте ему увидеть, — сказала Мира. — Вы ведь хотите доказать, что он ничего не понимает.

Вейр прищурился. В её словах была ловушка, но подходящая его гордости. Отказаться означало признать, что Егор может заметить опасное. Согласиться — подпустить к карте.

— Одну минуту, — сказал Вейр. — Не касаться стекла.

Ловчий отпустил локоть Егора, но остался в шаге. Егор склонился над пластинкой. Сначала посмотрел на улицу, затем на край, где мастер тонкой иглой процарапал номер. Потом на книгу поступлений у руки писаря.

— Номер должен быть здесь?

— После описи.

— А до описи как вы отличаете одну карту от другой?

— По узору края.

— Этот край обрезан недавно. Стекло пыльное ещё на войлоке.

Писарь торопливо стряхнул блестящие крупинки.

— Свежую плату всегда подравнивают.

— Почему огонь на настенной карте ушёл к кабинету господина Вейра, а пластинка оказалась здесь?

Комната стала очень тихой.

Мира увидела на медной раме четыре дорожки. Три вели к столу. Четвёртая уходила в стену, за которой располагалась лестница к кабинету мага.

— Карта сети показывает направление потока, а не комнату, — сказал Вейр.

— Тогда откройте ящик в кабинете.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Егор выпрямился.

— На суде Тарн спросит, куда поступила память торговца. Вы покажете эту пластинку. Чистую, ещё без номера. Но огонь ушёл в другую сторону. Значит, настоящую карту подменили.

Писарь сделал шаг к двери. Ловчий загородил ему путь.

— Я выполнил приказ, — прошептал писарь.

Вейр даже не повернул головы.

— Чей?

Писарь молчал.

Мира поняла: страх в кабинете относился не к тому, что Егор увидел тайну хранения. Вейр испугался конкретного огонька. Он знал, куда тот пойдёт, и хотел заменить карту до суда.

— Общайте писаря, — приказал Вейр.

Ловчий схватил того за плечи. Из рукава выпала тонкая медная пластинка с печатью Палаты.

— Вот как, — холодно сказал маг. — Самовольный отвод поступления.

— Вы велели! — писарь задохнулся. — Через мастера Лося! Сказали: всё с Бересовой сперва наверх!

Вейр ударил его не рукой. Просто провёл пальцем по воздуху. Писарь согнулся и упал на колени, обеими ладонями зажимая рот. Между пальцами потекла кровь.

Мира ударила Вейра дорожным шестом.

Она целилась в кисть. Бронзовый наконечник попал по запястью, и маг отшатнулся. Ловчие бросились к ней. Первый получил древком под колено, второй успел выхватить короткий клинок. Егор толкнул стол. Весы, щипцы и стеклянная пыль посыпались на пол.

— Не разбить карты! — крикнул Вейр.

Ловчие замерли на долю мгновения. Этого хватило. Мира перехватила шест поперёк и прижала клинок второго к стене.

Егор подхватил писаря. Тот дышал, кровь шла из прокушенного языка. Говорить он не мог, но ткнул пальцем в четвёртую дорожку медной рамы, потом в потолок.

— К кабинету, — сказал Егор.

— Вы оба добавили нападение на представителя князя к списку обвинений, — проговорил Вейр. На его запястье быстро наливался синяк. — Теперь суда не будет.

— Будет, — ответила Мира. — И этот человек на нём напишет, чей приказ выполнял.

— Он украл казённую память.

Писарь замотал головой и снова указал наверх.

Из коридора донёсся звон. Один удар, второй, третий. Полдень.

На площади закричали имена обвиняемых. Тарн начинал суд.

Вейр посмотрел на дверь. Мира увидела, как он считает людей снаружи, расстояние до площади, верность стражников и время, необходимое, чтобы спрятать карту.

— Отведите писаря к лекарю, — сказал он наконец. — Переводчика и проводницу — на суд.

— Сначала кабинет, — сказал Егор.

— Вы не в том положении, чтобы ставить условия.

— Тогда на площадь выйдем все. Я расскажу, что здесь видел. Мира расскажет, как вы остановили свидетеля. Писарь покажет направление. Тарн потребует открыть кабинет при суде. На глазах у сотни людей.

— А если в кабинете ничего нет?

— Значит, вам нечего терять.

Мира почти услышала, как захлопнулась ловушка. Простая, как заставные ворота. Вейр мог отказать, но отказ стал бы ответом.

Маг наклонился, поднял кольцо, выпавшее во время драки, и надел на мизинец.

— Пять минут, — сказал он. — После этого вы идёте на суд и отвечаете за содеянное.

Они поднялись по узкой лестнице. Впереди шёл Вейр, за ним писарь, которого поддерживал Егор, потом Мира и двое ловчих. Один нёс её дорожный шест. На площадке у кабинета стоял Тарнов стражник.

— Суд начался, — объявил он.

— Обвиняемые осматривают вещественное доказательство, — ответил Егор.

Стражник посмотрел на разбитую губу писаря и синяк на руке Вейра.

— Похоже, доказательство сопротивлялось.

Вейр отпер кабинет. На столе всё осталось как утром: весы, медный ключ, бумаги. Только прозрачной чаши с осколком летнего дождя больше не было.

— Где ящик? — спросил Егор.

Мира обошла комнату. Стены были обшиты тёмным деревом. За одной находился архив. Она приложила ладонь к панели и почувствовала слабое тепло.

— Здесь.

Вейр не пошевелился.

— Печная труба.

— Печь в другой стене.

Она постучала наконечником сапога. Доска ответила пустотой.

Егор посадил писаря на стул и подошёл. На уровне колена в резьбе пряталась крошечная скважина. Железный ключ не подошёл. Медный тоже. Вейр держал левую руку за спиной.

— Кольцо, — сказала Мира.

— Это личное хранилище. Заставный суд не имеет права...

С площади снова донеслось имя Миры, повторённое десятками голосов.

Стражник у двери вытянул ладонь.

— Господин Вейр, откройте. Или я сообщу старшему Элю, что вы удерживаете обвиняемых и скрываете доказательство.

— Вы забываетесь.

— Нет. Сегодня люди слишком многое забыли вместо меня.

Вейр снял кольцо. Вставил его в скважину. Панель отошла без звука.

За ней стоял узкий металлический шкаф. Полки вмещали не меньше сотни пластинок. На большинстве не было номеров. Одни светились, другие казались дымчатыми. С верхней полки ещё свисала тонкая светлая нить к отверстию в стене.

— Свежая, — сказал Егор.

Он потянулся к ней, но Вейр схватил его за плечо.

— Не трогайте. Неумелое касание смешивает пути.

— Тогда достаньте сами.

Маг взял щипцы со стола и снял пластинку. Внутри появилась Медная улица, третий мост и лавка с иглой.

Настоящая карта торговца.

Мира ожидала торжества. Егор лишь закрыл глаза на мгновение, будто подтверждение сделало всё хуже.

— Значит, вернуть можно? — спросила она.

— Я уже ответил.

— Вы ответили, что память не возвращается. Теперь я не верю ни одному вашему слову.

Вейр поставил пластинку на стол.

— Карта позволяет увидеть дорогу. Иногда — провести по ней арку. Если разбить стекло возле владельца, образы вырываются наружу и цепляются за ближайший подходящий разум. Не обязательно за прежний. Человек может получить чужое детство, чужой страх, чужую смерть. Вы называете это возвращением?

— Вы пробовали другой способ? — спросил Егор.

— Дольше, чем вы живёте в этом мире.

— И поэтому прячете карты у себя?

— Потому что люди, узнав о хранилище, разобьют его в надежде вернуть утраченное. Половина заставы сойдёт с ума.

В этом была правда. Мира ненавидела её за то, что она помогала лжи держаться на ногах.

Егор смотрел на шкаф. Не на свежую пластинку — глубже, на третий ряд. Там среди зимних трактов и залитых солнцем троп мерцал холодный белый свет.

Он шагнул ближе.

— Что это?

— Назад, — сказал Вейр.

Но Егор уже увидел.

В маленьком прямоугольнике была ночь. Ровные столбы уходили вдаль, провода блестели под дождём, за оградой стояло длинное здание с освещёнными окнами. По мокрому асфальту шёл худой парень в куртке, с рюкзаком через плечо. Он обходил лужу возле киоска, здоровался с женщиной в оранжевом жилете и спускался к путям.

Егор издал звук, похожий на короткий вдох после удара.

— Это мой вокзал.

Мира никогда не видела вокзала. Не знала, что за чёрные нити протянуты над дорогой, почему окна светят так ярко и где у повозки, стоящей за оградой, лошади. Но человека в стекле узнала. Лицо было другим — моложе Саверова, шире в скулах, с тёмными волосами. Двигался он так же: чуть подавался вперёд, словно всё время опаздывал исправить чужую ошибку.

— Это ты? — спросила она.

— Я. Дорога от общежития к смене.

— Та, которую взяла арка у Вяжей?

— Да.

Он поднял руку, но не коснулся стекла. Пальцы остановились на толщину ногтя от поверхности.

— Я не мог вспомнить киоск, — тихо сказал он. — Знал, что там надо повернуть, а возле чего — нет. Вот он. Женщина в жилете — тётя Зоя. Она продавала кофе ночью. Я вижу её и всё равно не помню, о чём мы говорили.

Мира встала рядом. На краю пластинки темнел свежий скол. Номера не было.

— Эта память поступила сегодня, — сказала она. — Почему она в вашем личном шкафу?

Вейр не ответил.

Егор перевёл взгляд на соседнюю карту. В ней под дождём шёл от станции к деревянному дому мальчик с красным шарфом. Тропа огибала пруд, ныряла между заборами и выходила к крыльцу, где ждала пожилая женщина.

Он побледнел.

— И это моё.

Первая плата. Дорога к бабушкиному дому, забранная на Старом уступе.

Две земные дороги стояли рядом в шкафу Олмера Вейра.

— Вы собирали их отдельно, — сказал Егор. — Все воспоминания, которые не похожи на ваши места.

— Неизвестные дороги опасны для сети.

— Вы знали, что я пришёл из другого мира, ещё до разговора.

— Я предполагал, что Савер принёс из арки нечто чужое.

— Поэтому ждали нас у ворот. Не из-за обоза. Из-за этих карт.

На площади звонил колокол. Люди требовали вывести обвиняемых.

Егор отступил от шкафа. Его лицо стало спокойным, и это спокойствие напугало Миру сильнее ярости.

— Берём обе карты на суд.

— Нет, — сказал Вейр.

— Тогда я назову дорогу вслух. Столбы, провода, ночной вокзал. Спрошу у площади, видел ли кто-нибудь такое в Ровене. И расскажу, где вы храните доказательство.

Вейр посмотрел на стражника Тарна, на писаря, на Миру. Убрать одного свидетеля он мог. Всех — только устроив бой внутри заставы.

— Карты останутся в щипцах, — сказал он. — Несёт мастер Палаты.

— Писарь, — поправила Мира. — Он уже знает дорогу к суду.

Писарь вытер кровь с подбородка и встал. В одной руке он держал земной вокзал, в другой — путь к деревянному дому. Стекло дрожало, и крошечный Егор внутри каждой пластинки снова и снова шёл туда, куда настоящий Егор больше не умел вернуться.

Когда они вышли на галерею, площадь внизу замолчала.

Тарн стоял у накрытой арки. Перед ним лежали дорожные листы, устав заставы и пустое место для книг изъятий. Он увидел окровавленного писаря, карты в щипцах и лицо сестры.

— Что вы нашли? — спросил он.

Мира посмотрела на Вейра. Маг ждал, что она скажет о нападении, о тайном шкафе, о подмене. Всё это было важно. Но начинать следовало с простого, чтобы ни один человек на площади не смог спрятаться за сложными словами.

— Память не исчезает, — сказала она. — Палата хранит наши дороги в стекле.

Толпа качнулась к зданию.

— И ещё, — добавил Егор. — Господин Вейр солгал, что не знает, откуда я пришёл. У него есть карта пути в мой мир.

В руках писаря ночной вокзал вспыхнул холодным белым светом.

Глава 6. Человек, которого Мира не помнит

Площадь хотела одного простого чуда: разбить стекло и вернуть каждому утраченное.

Крик поднялся сразу, едва люди поняли слова Миры. Торговец с Медной улицы полез на галерею, расталкивая стражников. Женщина в зелёном платке требовала показать карты её мужа. Кто-то вспомнил дочь, забывшую мост к родной деревне. Кто-то — солдата, который после трёх переходов перестал узнавать дорогу в казарму. Сотня отдельных потерь за одну минуту стала общим гневом.

Писарь прижал щипцы к груди. В стекле два Егора продолжали идти каждый своей дорогой.

— Назад! — крикнул Тарн снизу. — Стекло не трогать!

Его слышали не все. Торговец уже добрался до лестницы. Стражник перегородил проход копьём, и толпа загудела сильнее.

Мира встала на каменный край галереи.

— Разобьёте карту — можете получить чужую память! — крикнула она.

— Палата так говорит! — ответили снизу.

— Это сказал Вейр. Я ему не верю. Но проверять его ложь чужой головой не дам.

Люди замешкались. От признания сомнения её слова стали весомее. Мира подняла ладонь.

— Суд сначала установит, что хранится в стекле и как это вернуть. Карты вынесут на площадь. Их пересчитают при свидетелях. Ни одну не спрячут и не разобьют.

— Кто тебе дал право решать? — крикнул мужчина у арки.

— Никто. Поэтому суд и нужен.

Она спрыгнула с края. Ноги ударились о доски, боль отдалась в колени. Егор стоял рядом и смотрел на площадь так, будто искал путь, по которому можно провести всех и не потерять никого.

— Слишком много людей, — сказал он.

— Ты привык к пустым вокзалам?

— К людям, которые хотя бы знают, куда едут.

— Эти знают. За своими дорогами.

— Тем хуже.

Вейр вышел из кабинета последним. Его левое запястье распухло, но голос оставался ровным.

— Старший Эль, обвиняемые устроили нападение в архиве и принудили открыть личное хранилище представителя князя. Я требую немедленно взять их под стражу.

Тарн поднялся на две ступени.

— Вы требуете этого как глава Палаты дорог или как потерпевший?

— Как придворный маг.

— В уставе заставы такой должности нет.

По толпе пробежал смехок. Вейр посмотрел на Тарна с новым вниманием — не как на неудобного служащего, а как на препятствие.

— Тогда как глава Палаты.

— Палата обвиняется в тайном изъятии и сокрытии памяти. До решения суда её распоряжения на Бересовой исполняются только вместе с приказом начальника заставы.

— Вы не имеете власти приостанавливать работу сети.

— Я не приостанавливаю. Арка закрыта по вашему приказу.

Тарн говорил сухо, почти скучно. Мира знала этот его способ доводить человека до ярости, не повышая голоса. Или думала, что знала. Возможно, ей рассказывали.

Торговца с Медной улицы пропустили к столу суда. Он увидел свою карту в руках писаря и протянулся к ней.

— Не касайтесь, — предупредил Егор.

— Там моя лавка.

— Да.

— Моя жена красила вывеску. Я помню, как мы спорили из-за цвета. Помню лестницу. Помню, что капнуло на волосы. А как прийти — нет. Дайте посмотреть.

Писарь опустил щипцы. Торговец склонился над стеклом. Увидел себя возле третьего моста, вздрогнул, назвал булочницу по имени. Потом выпрямился и закрыл глаза.

— Ну? — спросил его товарищ.

— Я вижу. Но не помню.

— Повтори путь.

— Третий мост, колодец, лавка. Это слова. Ноги туда не идут.

Он хотел коснуться пластинки, но сам отёрнул руку.

— Найдите способ вернуть, — сказал он Тарну. — Не тратьте её на чужой переход.

Тарн велел положить карту в пустой ящик на судейском столе и запечатать двумя печатями — заставы и выборного старосты из очереди. Вейр отказался давать печать Палаты.

— Тем лучше, — сказал Тарн. — Значит, не сможете объявить ящик своим.

Начали с дорожного листа. Писарь, державший во рту свёрнутый чистый холст, написал углём: «Приказ мастера Лось: новые карты Бересовой до описи отводить в верхний шкаф». Ниже добавил: «Устно сказал — распоряжение Вейра».

— Мастер Лось где? — спросил Тарн.

— Уехал утром, — ответил начальник караула. — С первыми санями на юг.

— До открытия ворот?

Начальник караула опустил глаза.

— Через служебную арку.

— Арка была закрыта для всех, — сказала женщина из толпы.

— Для очереди, — поправил Вейр. — Служебные переходы не прекращались. Княжество не может ждать, пока пограничники разыгрывают суд.

Тарн записал время отъезда мастера. Потом велел принести книгу служебных переходов. Её тоже не оказалось. Увёз мастер Лось.

Каждый пропавший лист делал Вейра не слабее, а опаснее. Мира видела это по людям. Им хотелось немедленного ответа, а суд выдавал пустые строки, отсутствующие книги и человека, который на любое обвинение находил правило. Гнев без добычи начинал искать ближайшую цель.

Ею стала Мира.

— Из-за тебя обоз ушёл на уступ! — крикнула мать девочки Наи. — Ты вела!

— Вела.

— Почему не знала имя?

— Старое имя называл переводчик. Живое должны были дать в листе.

— Но дорогу потеряла ты.

— Да.

— И всё равно повела людей дальше?

На площади стало тише. Вопрос был справедливым. Мира могла рассказать про ловчих, снег и единственную тропу. Могла напомнить, что довела всех до Вяжей. Но правда оставалась: у углежогных ям она выбрала неверный поворот.

— Повела, — сказала она. — Потому что за нами шли ловчие, а на уступе нельзя было остаться. Ошиблась у развилки. Егор заметил следы и остановил меня. После этого я не выбирала дорогу одна.

— Проводница, которая не знает дороги, должна снять перевязь, — произнёс Вейр.

Мира положила ладонь на кожаную перевязь с медной бляхой. Получила её в семнадцать лет. Помнила зал Палаты, запах мела, тяжесть новой формы. Не помнила, как Тарн ждал снаружи и повёл её праздновать, хотя именно это он рассказывал потом.

— Сниму, если суд решит, — сказала она.

— Ты сама признала непригодность.

— Я признала потерю. Непригодность установит не человек, который эту потерю устроил. Кто-то одобрительно стукнул посохом. Но мать Наи не отступила.

— А моя дочь? Она не помнит улы. Кто за неё ответит?

Мира спустилась к ней.

Ная стояла рядом, сжимая руку матери. На её сапогах засохла вяжская глина. Девочка смотрела на Миру без прежнего доверия.

— Я отвечу за то, что провела её через пробный камень, — сказала Мира. — Я считала его безопасным. Не проверила, кто перенёс камень и какое имя вписал. Это моя ошибка.

— Вернёшь ей дорогу?

— Не знаю как.

Мать ожидала обещания и получила пустоту. Отвернулась.

Егор подошёл к судейскому столу.

— Вейр знал, что новый камень берёт лишнее, — сказал он. — На листе заранее стояла строка о взыскании с ведущего. Палата перенесла камень. Палата велела использовать только старое имя. Если судить тех, кто отвечал за переход, начинайте с того, кто написал правила.

— Ваше обвинение основано на догадке, — сказал Вейр.

— На вашей фразе Саверу: «Ведущая молода».

— На обрывке памяти человека, чьё тело вы заняли.

Толпа снова зашумела. До сих пор многие, вероятно, не понимали, что означают слова Егора о другом мире. Теперь Вейр подал их как признание в краже тела.

— Пусть Савер говорит сам! — крикнул кто-то.

— Савера убили?

— Это морок!

Егор побледнел, но не отступил.

— Я не знаю, что стало с Савером. Очнулся в его теле внутри арки. Не выбирал этого и не выдавал себя за него после того, как понял.

— Мира вы сказали, — заметил Вейр. — Остальным нет.

— Потому что вы держали сорок два человека на уступе и послали за нами ловчих.

— Я послал помощь.

— С белыми камнями, которые искали плату, а не людей.

Вейр повернулся к площади.

— Перед вами чужак, способный носить лицо придворного переводчика и читать его воспоминания. Он требует доступ к сети дорог. Показывает странные видения в стекле и называет их своим миром. Если бы я не запер неизвестные карты, вы обвинили бы меня в беспечности.

Мира увидела, как люди отодвинулись от Егора. Совсем немного. На половину шага. Этого хватило.

Вейр не пытался доказать невиновность. Он делал Егора страшнее себя.

— Я тоже видела его мир, — сказала Мира.

— Именно. Карта уже влияет на вас.

— Я видела картинку в стекле.

— И поверили объяснению чужака.

— Не объяснению. Я видела человека с его движениями и другим лицом.

— Савер мог взять эту память у другого путника.

Возражение было слабым, но людям не требовалась полная правда. Им нужен был способ не стоять рядом с необъяснимым.

Тарн ударил ладонью по столу.

— Суд рассматривает открытие на Старом уступе и изъятие памяти на Бересовой. Происхождение Егора Ланского будет установлено отдельно. Карты печатаются. Свидетели остаются под защитой заставы.

— Под защитой? — переспросил Вейр. — На каком основании?

— На основании того, что ваш писарь не может говорить после вопроса о приказе.

Писарь поднял окровавленный холст.

— Он попытался бежать с казённым ключом, — сказал Вейр. — Я остановил его.

— Ключ лежал на полу. Он никуда не бежал, — сказала Мира.

— Вы напали на меня прежде, чем успели понять происходящее.

— Я поняла достаточно.

— У вас отсутствуют годы памяти. Вы не можете знать, чему доверять.

Удар был точным. Мира почувствовала его не в мыслях, а в груди. Вейр говорил то, чего она сама боялась с утра. Если дорога к Вяжам исчезла, что ещё ушло вместе с ней? Сколько решений держалось на людях и местах, которых она больше не могла вызвать в памяти?

— Я знаю, что видела сегодня, — сказала она.

— А вчера?

— Сегодня достаточно, чтобы судить сегодняшний поступок.

— Тогда почему называете этого человека братом?

Мира не сразу поняла, о ком он.

Вейр указал на Тарна.

— Вы узнали его у ворот?

Молчание стало плотным.

Тарн не изменился в лице. Только пальцы на краю стола сжались.

— Это не относится к суду, — сказал он.

— Относится к способности свидетельницы различать людей и обстоятельства. Проводница Эль потеряла путь к Вяжам. Возможно, вместе с ним — всё, что происходило там. Спросите её, помнит ли она собственного брата.

Мира смотрела на Тарна.

Знала его имя. Возраст. Звание. Знала, что он старше на пять лет, что у него шрам под подбородком, что он не любит сладкую репу. Но каждое знание лежало отдельно, как бирка на чужом сундуке.

Она помнила мальчика, который запер её в кладовой ради варенья. Лицо мальчика расплывалось. Помнила широкую спину впереди на горной тропе. Не могла соединить её с мужчиной у стола. Помнила голос, обещавший вернуться до первого снега. Не знала, принадлежал ли он Тарну или отцу.

— Нет, — сказала Мира.

По площади пронёсся шёпот.

Тарн опустил глаза.

— Я не помню его братом, — продолжила она. — Мне рассказывали, кто он. Я знаю факты. Чувства нет.

Вейр не улыбнулся. Он был слишком хорош для такого явного удовольствия.

— И этому свидетелю вы предлагаете верить.

— Нет, — сказал Тарн.

Он снял перевязь старшего пограничника и положил на стол.

— Я отвожу себя от ведения суда. Моё родство с обвиняемой и её неспособность подтверждать его делают решение уязвимым.

Мира шагнула к нему.

— Тарн...

— Он прав в одном. Я не должен был начинать суд сам.

— Если ты уйдёшь, суд возьмёт Вейр.

— Нет. По уставу — трое: выборный из жителей заставы, старший из путников и пограничник, не состоящий в родстве с обвиняемыми.

Он указал на кузнеца заставы, старуху Ивену и молодого стражника у лестницы. Тот самого, который потребовал открыть шкаф.

— Вы согласны?

Кузнец вытер руки о фартук. Ивена заявила, что согласилась ещё до того, как её спросили. Стражник долго смотрел на Вейра, потом снял шлем.

— Согласен.

Тарн отошёл от стола. Без перевязи и права задавать вопросы он казался меньше. Просто мужчина в коричневом плаще, которого Мира не могла найти в собственном прошлом.

Вейр хотел лишит суд опоры. Тарн отдал власть сам и тем сохранил суд.

Мира вдруг поняла, что верит ему.

Не потому, что он назвался братом. Не из-за шрама, имени или рассказов Раста. Его сегодняшний поступок был понятнее любого утраченного воспоминания: он выбрал правило, которое могло повредить ему самому, чтобы решение не принадлежало одному сильному человеку.

Это ещё не было родством. Но было началом дороги.

Ивена заняла место в середине стола.

— Теперь говорить буду я, — объявила она. — Возражения принимаю короткие. Длинные буду считать признанием вины, потому что невиновному столько слов ни к чему.

Кузнец кашлянул.

— Так в уставе не написано.

— Поэтому ты будешь читать устав, а я — смотреть, кто врёт.

Даже Мира улыбнулась. Напряжение на площади ослабло, но не исчезло.

Новый суд начал с карт. Писаря попросили показать устройство отвода. Он нарисовал на доске четыре линии и отметил личный шкаф Вейра. Затем написал номера всех сегодняшних поступлений, которые успел увидеть. Их было семь. В общем архиве нашли четыре. Одна — у торговца. Две земные — в тайном шкафу. Счёт сошёлся.

— Значит, ничего не украдено, — сказал Вейр.

— Значит, всё спрятано в разных местах, — ответила Ивена. — Это не одно и то же.

Торговца спросили, соглашался ли он платить дорогой к лавке. Нет. Молодого переводчика — называл ли он живое имя. Нет. Почему? В листе не было. Кто выдал лист? Мастер Лось. Кто утвердил? Печать Вейра.

На Старом уступе цепочка была похожей. Савер предупреждал о недостаточной плате. В листе стояло тайное взыскание с ведущей. Орт добавил лишнего человека. Сам Орт остался у ловчих и на суде отсутствовал.

— Без Орта нельзя установить умысел, — сказал Вейр.

— Поэтому вы поедете за ним, — решила Ивена.

— Я не подчиняюсь выборной старухе.

— А я не приказывала. Суд просит начальника заставы послать людей.

Все посмотрели на Тарна. Он стоял среди обычных пограничников и больше не имел права вести суд, но начальником оставался.

— Десять всадников на Старый уступ, — приказал он. — Орта доставить живым. Ловчих не преследовать за пределами заставной земли, но записать имена.

Начальник караула замялся.

— Ворота закрыты по распоряжению Палаты.

— Открыть боковые.

— Господин Вейр запретил пеший выход.

— А я разрешил.

Два приказа столкнулись прямо на площади. Стражники смотрели то на придворного мага, то на своего начальника.

Вейр понял раньше Миры, что сейчас решается больше, чем судьба Орта. Если ворота откроют, люди увидят: короткие дороги Палаты — не единственные.

— Вы подвергаете заставу опасности, — сказал он Тарну.

— Опасность снаружи?

— Паника, слухи, бегство служащих.

— Значит, изнутри.

Тарн повернулся к караульному.

— Открыть.

Цепь боковых ворот задребезжала. Люди расступились, пропуская всадников. За стеной лежал обычный зимний тракт: грязный, долгий, настоящий. Он ни у кого не просил воспоминаний.

Мира смотрела, как десять лошадей уходят к лесу. Рядом встал Егор.

— Ты держись? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Я уже начал бояться, что здесь так отвечаю только я.

Она хотела отмахнуться, но не смогла. Спросила:

— Ты помнишь свою сестру?

— У меня нет сестры. Есть мать. Была бабушка.

— Была?

— Умерла три года назад. Я помню её, но не могу прийти к дому. Теперь увидел путь в стекле и всё равно не могу.

— Если карту вернут, уйдёшь домой?

Егор посмотрел на белый огонь внутри своей пластинки.

— Не знаю. Сначала надо понять, что значит «вернут».

Это был честный ответ, и потому Мира не стала спрашивать дальше.

Суд постановил временно запечатать архив, личный шкаф и обе комнаты с медными отводами. Все переходы разрешались только при двух названных именах, добровольно объявленной плате и свидетеле от путников. Людей нельзя было удерживать внутри заставы; желающие могли идти обычным трактом. Мире запретили вести в одиночку до проверки её памяти, но не лишили перевязи. Егора оставили при заставе как свидетеля и переводчика без права открывать арку.

Вейр выслушал решение до конца.

— Оно не имеет силы за стенами Бересовой, — сказал он.

— До стен нам пока хватает, — ответила Ивена.

— Через день здесь не будет хлеба.

— В амбарах на две недели, — сказал кузнец.

— Через два дня южная руда останется на другой стороне.

— Кузница переживёт.

— Через три дня в пограничных селениях закончатся лекарства.

Толпа притихла. Вейр перечислял не угрозы, а настоящие нужды. Именно поэтому его власть держалась так долго.

— Тогда повезём трактом, — сказала Мира.

— Не успеете.

— Часть успеем.

— А тех, кто умрёт, запишете в цену своей честности?

Мира не нашла ответа. Никто не нашёл.

Вейр надел шубу.

— Я возвращаюсь во дворец. Палата пришлёт нового управляющего и княжеское решение. До тех пор можете играть в свободные дороги.

— Служебная арка опечатана, — напомнил Тарн.

— Я пойду пешком.

Он произнёс это так, будто показывал им ребёнка, который впервые догадался о существовании ног.

У боковых ворот его остановил стражник.

— Оружие и карты остаются до окончания суда.

Вейр поднял руки. При нём нашли медный ключ, нож для стекла и три белых дорожных камня. Карт не было.

— Общайте шубу, — сказала Мира.

Ловчий рядом с магом положил ладонь на меч. Тарн встал напротив.

— На заставе обыскивают всех выходящих во время суда.

— Даже придворных магов?

— Сегодня особенно их.

Вейр снял шубу. В подкладке нашли потайной карман, но он был пуст. Мира провела пальцами по шву и почувствовала мелкую стеклянную пыль.

— Что здесь было?

— Пластинка для личного перехода.

— Где она?

— Использована утром.

Писарь замычал и быстро написал на холсте: «Утром вложения не списывали».

Вейр посмотрел на него.

— Вы были в архиве всё утро?

Писарь покачал головой.

— Значит, не можете знать.

Доказательства не было. Вейру вернули шубу, но ключи и камни остались. Он вышел через боковые ворота с двумя ловчими. Не оглянувшись.

Тарн послал за ним наблюдателей.

Когда ворота закрылись, площадь будто выдохнула. Люди заговорили о ночлеге, еде и пешем пути. Очередь у арки распалась. Одни пошли записываться в обозы, другие остались ждать решения Палаты. Переходы не исчезли, но перестали казаться единственной дорогой.

Мира нашла Тарна на стене. Он стоял над воротами и смотрел, как три тёмные фигуры уменьшаются на тракте.

— Почему ты не сказал раньше? — спросила она.

— Что именно?

— Что я тебя не помню.

— Ты помнишь имя. Разговариваешь со мной. Я надеялся, остальное вернётся.

— Само?

— Люди иногда вспоминают после арок.

— Часто?

— Нет.

Она встала рядом. Внизу торговец с Медной улицы объяснял мальчику, как выглядит его лавка. Тот рисовал углём план на доске.

— Расскажи что-нибудь, чего нет в бумагах, — попросила Мира.

— Вейр скажет, что я внушаю тебе прошлое.

— Вейра здесь нет.

Тарн долго молчал.

— Ты боялась переходить ручей по брёвнам. Не воды — щелей между брёвнами. Отец смеялся, и ты злилась. Я шёл впереди спиной и говорил, куда ставить ногу. На середине ты толкнула меня, потому что я тоже засмеялся. Мы оба упали. Вода была по пояс, но ты решила, что утопила меня, и тащила за ворот до берега.

Мира слушала. Картинка не появилась.

— Ещё.

— Когда умер отец, ты не плакала три дня. Чинила его дорожный шест, хотя он был цел. На четвёртый день сломала его о стену. Потом попросила меня склеить. Я склеил плохо. Трещина до сих пор под обмоткой.

Её шест остался у судейского стола. Мира знала о трещине. Думала, дерево лопнуло в мороз.

— Это можно было увидеть.

— Можно.

— Скажи то, что доказывает.

Тарн повернулся к ней.

— Ничто не докажет чувство, которого у тебя нет. Я могу принести записи, назвать шрамы, найти людей из Вяжей. Докажу, что мы дети одних родителей. Не докажу, что ты должна любить меня.

Мира стиснула перила.

— Тебе всё равно?

— Нет.

В этом коротком слове впервые за день прорвалась боль.

— Но если я потребую от тебя прежнего доверия, потому что помню за двоих, я стану похож на Палату. Она тоже говорит: мы знаем твои дороги лучше тебя, поэтому отдадим их куда сочтём нужным.

Мира посмотрела на его руку. На указательном пальце белел кривой шрам. Ей хотелось вспомнить, откуда он. Пустота не отзывалась.

Она не обняла Тарна. Объятие стало бы подарком человеку из чужого рассказа и ложью самой себе.

Вместо этого сказала:

— Завтра покажешь мне тропу к Вяжам.

— Вейр закроет дороги.

— Не аркой. Пешком.

— Это два дня.

— Значит, успеешь рассказать всё ещё раз.

Тарн кивнул.

На тракте далеко впереди мелькнул белый огонь. Один раз, второй. Наблюдатели на стене закричали.

Вейр и ловчие исчезли.

На снегу остались три пары следов, оборванные посреди дороги. Маг ушёл переходом без арки, ключей и видимой платы.

Мира смотрела на пустое место и вспоминала стеклянную пыль в подкладке его шубы.

Пластинка была не использована утром. Она всё это время оставалась при нём — настолько тонкая, что спряталась между слоями ткани.

Вейр позволил себя обыскать, чтобы они поверили в пустой карман.

— Он забрал чью-то дорогу, — сказала Мира.

Тарн велел открыть журнал свежих изъятий. Писарь проверил семь записей, затем старые номера. Всё сходилось, кроме карты, которой никогда не было в описи.

Личная плата Вейра не принадлежала архиву.

Кому она принадлежала, они пока не знали.

Глава 7. Обоз за закрытой аркой

К утру у Бересовой заставы оказалось больше колёс, чем ворот.

Телеги стояли в три ряда от площади до хлебных амбаров. Между ними ругались погонщики, мычали вола, под ногами хрустел снег, перемешанный с соломой и навозом. Ночью никто не прошёл через арку, и обычная дневная очередь прибавилась к тем, кто остался после суда. На медных обручах над каменным проёмом висели две заставные печати. За ними темнела ровная стена, похожая не на дверь, а на могильную плиту.

Егор стоял у доски отправлений и переписывал названия грузов. Рука Савера выводила местные буквы быстрее, чем он успевал их вспоминать. Это было удобно и страшно: тело знало работу человека, о котором сам Егор почти ничего не знал.

Мука — одиннадцать возов. Соль — четыре. Железные полосы — шесть. Масло — три. Полотно, свечи, сушёная рыба. Последними шли два сундука с лекарствами для Ясеновой слободы. На каждом была синяя печать лекарского дома и дата, которую Егор дважды пересчитал по местному календарю.

— На сколько хватит? — спросил он.

Лекарь в серой шапке пожал плечами.

— Если не открывать — на месяц. Если людям нужно содержимое — значит, уже не хватило.

— Что внутри?

— Жаровая кора, сушёный горицвет, чистая нить, иглы. В слободе грудная лихорадка. Вчера просили прислать в тот же день.

Ясеновая слобода лежала за северной аркой. Через переход — несколько минут. По зимнему тракту — день с лишним, если мост через Тишу цел и снег не закрыл верхнюю дорогу.

Вейр вчера назвал лекарства третьим доводом. Егор всю ночь сердился на него именно за то, что довод был честным.

— Поставьте сундуки первыми, — сказал он.

— Перед мукой?

— Перед всем.

— А кто решил?

Егор посмотрел на перевёрнутый ящик, служивший столом, и на уголь в своих пальцах. Вчера суд оставил его свидетелем и переводчиком без права открывать арку. Никто не назначал его распорядителем обозов.

— Пока никто. Я только собираю сведения.

— Сведения уже собраны на дорожных листах.

— В листах написано, что все должны пройти вчера.

Лекарь поджал губы, но велел возчикам не уезжать.

Мира пришла с западной стены, неся под мышкой дорожный шест. Вместе с ней шёл Тарн. Они не были похожи ни лицом, ни походкой, и всё же теперь Егор видел родство в том, как оба сначала осматривали выходы, а уже потом людей.

— Следы Вейра нашли? — спросил он.

— До места перехода, — ответил Тарн. — Дальше ничего. Наблюдатели говорят, огонь ушёл на север.

— В Ясеновую?

— Мог уйти на любую заставу, если карта была приготовлена заранее.

Мира положила на ящик лист, свёрнутый вокруг короткой стрелы. Бумага была пробита у края, будто её сняли с ворот.

— Это прилетело ночью со стороны северной башни.

На листе стояла печать Палаты дорог. Текст был коротким: все арки Бересовой объявлялись закрытыми до прибытия княжеского управляющего. Исключение разрешалось для государственных грузов после внесения дорожной доли — одной свежей карты с каждых десяти возов. Ниже другой рукой добавили: Ясеновая слобода не считается государственной службой и должна внести долю на общих основаниях.

— Свежая карта — это чьё-то воспоминание, — сказал Тарн. — Они уже не пишут «плата».

— Карта звучит как вещь, — ответил Егор. — Вещи удобнее требовать.

Мира прочла приписку второй раз.

— Вейр знает про лекарства.

— Он мог видеть дорожные листы вчера.

— Или был ночью в Ясеновой.

К ним подошла Ивена. Старуха несла две миски каши, одну протянула Егору, вторую оставила себе.

— Если будете спасать княжество натошак, к полудню начнёте есть друг друга. Что маг хочет?

Тарн показал приказ.

Ивена дочитала, сплюнула в снег и спросила:

— А если девять телег?

— Пропустят девять за одну карту, — предположил Егор.

— Не пропустят. Скажут, доля берётся с начатого десятка. Я таких сборщиков пережила больше, чем у меня зубов осталось.

— Мы не знаем, можно ли открыть арку без Вейра, — сказал Тарн.

— Зато знаем, что можно не открывать.

Мира развернулась к доске отправлений.

— Северный тракт.

— Мост никто не проверял после снегопада, — возразил Тарн.

— Проверим.

— Тебе запрещено вести одной.

— Я не одна.

Она сказала это, глядя не на Егора, а на брата. Тарн понял.

— Я нужен на заставе.

— Тогда дай второго проводника.

Свободных проводников не оказалось. Двое ушли с зимним дозором, один лежал с обмороженными ступнями, ещё трое ждали у южной арки и отказывались покидать свои обозы. Тарн мог приказать, но после вчерашнего суда любой приказ родственника Миры превратился бы в новый повод отменить решение.

Егор положил уголь.

— Я пойду вторым.

Мира покачала головой.

— Ты переводчик.

— И диспетчер.

— Здесь нет поездов.

— Зато есть пятьдесят семь телег, один узкий мост и люди, каждый из которых считает свой груз главным. Это почти вокзал, только вагоны спорят.

Ивена хмыкнула.

— А лошади опаздывают убедительнее.

Мира не улыбнулась.

— Ты не знаешь тракта.

— Поэтому не буду выбирать дорогу. Я выстрою обоз, посчитаю время и прослежу, чтобы никто не потерялся. Выбирать будешь ты.

— Суд запретил мне вести одной, потому что я потеряла путь.

— Он не запретил тебе идти. И не сказал, что второй обязан знать больше первого.

Тарн провёл большим пальцем по краю своей перевязи.

— Формально он прав.

— Ненавижу, когда вы оба начинаете говорить как устав, — сказала Мира.

— Вчера устав нам помог.

— Вчера он помог тебе не быть моим братом на время суда.

Тарн принял удар молча. Мира сразу отвела взгляд.

— Простите, — сказала она.

Не «прости». Множественное обращение было вежливее и дальше.

— Возьми мой дорожный нож, — ответил он. — На мосту рубите тяги, если лёд поднимет настил. И возвращайтесь через сутки. Если не вернётесь, я выйду следом, хоть весь суд объявит меня пристрастным.

К девятому часу обоз разделили. Большинство купцов решило ждать управляющего. Они верили в арку, князя, печать и то, что неприятное правило можно переждать в тёплом дворе. На тракт согласились идти лекарские сундуки, пять возов муки, два соли, один масла и телега с кузнечным железом. Последнюю навязал кузнец Бересовой.

— На обратном пути привезёте уголь, — сказал он. — Пустые телеги всегда начинают верить, что дорога бесплатная.

Егор поставил лекарства в середину. Впереди шли две лёгкие телеги с мукой: если дорога провалится, они не утянут за собой весь обоз. За лекарствами — соль и масло. Железо замыкало ряд, чтобы тяжёлая телега не подталкивала остальных на спуске. Между каждой парой он оставил по длине упряжки.

Возчики спорили.

— Мука отсыреет впереди.

— Масло мягкое, ему легче на ухабах.

— Железо государево.

— Лихорадка не ждёт, пока вы договоритесь, — сказал Егор. — Кто не согласен, остаётся у арки.

Он ожидал нового спора, но люди начали занимать места. Возможно, в голосе Савера ещё оставалась привычная власть придворного переводчика. Возможно, все просто устали ждать.

Перед открытием ворот явился посыльный Палаты. Молодой человек на взмыленной лошади держал новый лист так высоко, словно боялся заразиться от него.

— Именем князя обозы обязаны оставаться при заставе до решения управляющего.

— На листе нет княжеской печати, — сказал Тарн.

— Печать Палаты действует от его имени.

— В пределах дорог. Обычный тракт Палате не принадлежит.

Посыльный посмотрел на обоз.

— Если вы покинете заставу, обратный вход может быть закрыт.

— Кем? — спросила Мира.

— Управляющим.

— Его ещё нет.

— Будет.

Егор подошёл ближе.

— Где Вейр?

— Во дворце.

— Вы видели его?

— Мне передали приказ.

— Кто?

— Палата.

— Человек. Имя.

Посыльный замялся. Мира заметила это раньше Егора и взяла коня под уздцы.

— Где вам дали лист?

— На Северной чаше.

— Это каменная чаша у развилки в трёх верстах отсюда, — тихо сказал Тарн. — Не дворец.

— Кто ждал у чаши? — спросила Мира.

— Мастер Лось.

Писарь, исчезнувшая книга переходов, ранний побег через служебную арку. Всё вернулось одним именем.

— Он был один? — спросил Егор.

— С людьми Палаты.

— Сколько?

— Шестеро. Может, восемь.

— И Вейр?

— Не видел.

Мира отпустила узду.

— Значит, они ждут на тракте.

Посыльный побледнел.

— Я этого не говорил.

— Уже сказал.

Тарн хотел задержать его как свидетеля, но Ивена потребовала отпустить.

— Пусть передаст мастеру Лосю: лекарства идут пешком. И пусть тот решит, хочет ли весь север узнать, кто их задержал.

Посыльный уехал. Ворота открылись.

Снег за стенами был нетронутым, если не считать трёх цепочек вчерашних следов, обрывавшихся на дороге. Егор прошёл мимо места, где исчез Вейр. В неглубокой ямке поблёскивала стеклянная пыль. Он не стал трогать её и отметил на плане.

Первые две версты дорога шла между берёзовыми перелесками. Мира двигалась впереди, проверяла снег шестом и оставляла на стволах полосы красной глины. Егор шёл вдоль обоза, считал колёса и людей. Двадцать три человека, девять телег, семнадцать лошадей. Через каждые сто шагов он оглядывался и видел Бересовую башню всё меньше.

На Северной чаше их никто не встретил.

Каменная плита у развилки была тёплой. Снег вокруг неё растаял ровным кругом. На краю лежал обрывок синей нитки, такой же, какой лекарь опечатал сундуки.

— Они открывали один? — спросил Егор.

Мира присела у камня.

— Нет. Ждали открытия. Смотрите.

От чаши к восточному лесу уходили конские следы. Восемь всадников. Они не вернулись на северный тракт, а свернули на старую углежогную дорогу.

— Обходят нас, — сказал возчик первой телеги.

— Или ушли, когда поняли, что приказ не сработал, — ответила Мира.

Егор посмотрел на тяжёлые сундуки в середине обоза. Если люди Лося хотели свежие карты, им не обязательно было открывать арку. Достаточно заставить путников выбирать между памятью и больными в Ясеновой.

— Меняем порядок, — сказал он. — Лекарства вперёд.

— Ты сам поставил их в середину, — заметила Мира.

— Там я боялся обрыва дороги. Теперь боюсь засады сзади и сбоку. Первые три телеги уходят к мосту быстрее. Остальные задержат погоню.

— А если засада у моста?

— Тогда лекарства разворачиваются первыми.

Мира изучала следы.

— Восемь лошадей обойдут по углежогной дороге за два часа. К мосту они придут раньше.

— Есть другой путь?

Она не ответила сразу.

Перед ними стоял простой вопрос, который вчера Вейр превратил в оружие: можно ли доверять дорогу женщине, не помнящей часть собственного прошлого.

— Есть нижняя тропа вдоль Тиши, — сказала Мира. — Телеги проходили там до постройки моста. Я ходила один раз весной.

— Помнишь?

— Помню воду, красную скалу и мёртвую сосну над бродом. Не помню развилку после скалы.

— Тарн знает этот путь?

— Наверное.

— Не подходит. Что можно проверить сейчас?

Мира поднялась и указала на запад.

— Ветер от реки. Если спустимся, лёд будет слышно раньше, чем увидим. Красная скала стоит на северном берегу. До неё одна дорога.

— А после?

— После решим по следам и воде.

Егор вынул лист отправлений и разорвал чистый край на девять полос. На каждой написал номер телеги, имена возчиков, груз и порядок. Полосы велел привязать к дугам.

— Если разделимся, все идут до красной скалы. Никто не выбирает развилку один.

— Бумага не найдёт дорогу, — сказал возчик масла.

— Зато скажет, кого не хватает.

Они свернули с тракта.

Нижняя тропа оказалась уже тележной осью. Слева поднимался лесистый склон, справа за кустами шумела Тиша. Вода шла подо льдом тяжёлыми толчками. Лошади косились на белую поверхность, колёса задевали корни. Через полверсты первая телега накренилась, и мешки муки пришлось снимать, переносить вручную, потом грузить снова.

Люди начали считать потерянное время вслух.

— На арке уже были бы в слободе.

— На арке отдал бы дорогу к собственному дому.

— Зато дома были бы дети, а не этот лес.

— Если вспомнишь, как туда идти.

Егор не вмешивался. У каждой стороны была правда, а у него не было права превращать одну из них в приказ.

У красной скалы нашли свежую зарубку Палаты. Кто-то прошёл здесь раньше них.

Мира коснулась среза древесины.

— Сегодняшняя.

Снизу донёсся треск. Лёд на реке поднялся длинной тёмной полосой. Вода выдавила к берегу обломки веток.

— Быстро к броду, — сказала Мира.

— Почему?

— Выше открыли плотину. Через четверть часа вода поднимется.

Возчики зашумели. Егор посмотрел на телеги: девять отдельных скоростей, девять причин задержаться. Если пустить всех разом, у брода они сцепятся колёсами.

— Первая и вторая — вперёд. Третья ждёт пятьдесят ударов сердца. Потом по одной. Мешки не поправлять до другого берега. Если упряжь рвётся, режем и вытаскиваем лошадь, груз оставляем.

— Там моя мука! — крикнул купец.

— А здесь ваши люди.

Первая телега вошла в воду. Лёд ломался под колёсами тонкими пластинами. Лошадь дёрнулась, но Мира шла рядом и держала повод у самой скулы. На середине вода дошла ей до бёдер.

Вторая пошла следом. Егор считал вслух. На сорок третьем ударе возчик третьей не выдержал и двинулся. Передний воз ещё не поднялся на берег. Колёса почти столкнулись.

— Назад! — крикнул Егор.

— Вода растёт!

— Назад на длину лошади!

Возчик потянул поводья. Телега встала поперёк течения. Правое колесо провалилось между камнями.

Егор бросился в воду. Холод ударил так, что нога с ушибом перестала слушаться. Он добрался до ступицы, просунул дорожный нож Тарна между спицами и велел погонщику вести лошадь влево. Мира вернулась от берега.

— Не туда. Течение прижмёт.

— Тогда вправо!

— Вправо яма.

Она поставила шест ниже колеса. Егор навалился на рукоять ножа. Ступица поднялась на толщину пальца. Возчик ударил по ободу обухом. Колесо выскочило, телега качнулась и пошла.

Когда они выбрались, вода уже закрывала верхние камни брода.

Последней шла телега с железом. Течение сдвинуло её к нижнему плёсу. Возчик резал постромки, но намокшая кожа не поддавалась. Мира выхватила нож, перерубила одну тягу. Егор — вторую. Лошадей вывели. Телега перевернулась, железные полосы ушли под воду с глухим звоном.

Кузнечный груз исчез за минуту.

На другом берегу купец муки пересчитал мешки. Лекарь проверил печати сундуков. Никто не спросил, сколько стоило железо. Живые стояли на месте, и этого пока хватало.

Мира смотрела вверх по реке.

— Плотину открыли намеренно.

— Откуда знаешь?

— В это время года воду спускают ночью, когда на броне никого нет. Зарубка свежая. Нас увидели у чаши и послали человека к створу.

— Люди Лося?

— Или сам Лось.

Егор выжал полы кафтана. Пальцы дрожали от холода.

— Они могли задержать обоз приказом. Не получилось — попробовали водой. Зачем им лекарства?

— Не лекарства. Выбор. Они хотят, чтобы мы попросили открыть арку.

На тропе за рекой показался всадник. Один, без оружия в руках. Он остановился на безопасном расстоянии и развернул белое полотнище Палаты.

— Мастер Лось предлагает помощь! — крикнул он. — Северная арка будет открыта для обоза после внесения дорожной доли! Вернитесь к чаше до заката!

Возчики заговорили разом.

— Мы не вернёмся, — ответила Мира.

— До Ясеновой вы не успеете!

— Успеем.

— Верхняя дорога закрыта!

— Значит, знаете, где мы идём.

Всадник осёкся.

Егор вышел вперёд.

— Чью память возьмёт арка?

— Путники решат сами.

— Любую?

— Равноценную пути.

— Кто определит равноценность?

— Палата.

— Мастер Лось уже выбрал карту?

Всадник не ответил. Этого молчания хватило Егору больше, чем признания. Дорожная доля была не просто налогом. Лось ждал определённую память от определённого человека.

— Передайте мастеру, — сказал Егор, — обоз идёт трактом. Если лекарства опоздают, в Ясеновой узнают, кто поднял воду.

Всадник уехал вверх по склону.

После брода люди перестали спорить о порядке. Они шли быстрее, помогали толкать чужие телеги, молча отдавали сухие рукавицы тем, кто промок. Мира нашла развилку после красной скалы не по памяти, а по мху на придорожных камнях и обломанным ветвям. Нижняя дорога поднялась к старой мельнице, от неё — к Ясеновым полям.

Сумерки застали их у слободы.

Ворота были закрыты. Над ними висела доска с приказом Палаты: не принимать обозы с Бересовой до внесения дорожной доли. Но у ворот уже ждали жители. Кто-то видел их с холма. Когда лекарь поднял синюю печать, засовы отодвинули, не спрашивая разрешения.

Первой к телеге подбежала женщина в белом переднике.

— Кора здесь?

— Здесь.

— Нить?

— Всё по списку.

Она прижала ладонь к крышке сундука, словно проверяла дыхание ребёнка.

— Арка не открылась, — сказала женщина. — Мы называли оба имени. Предлагали плату. Камень молчал.

— Палата закрыла её со своей стороны, — ответил Егор.

— Нам сказали, Бересовая отказалась помочь.

Мира сняла с дуги полоску с номером телеги и протянула ей.

— Бересовая отправила девять возов. Один потеряли в реке. Остальные здесь.

Жители разгружали лекарства при свете факелов. Мешки муки понесли в общий амбар, соль — в лекарский дом и пекарню. Никто не радовался. За стенами кашляли люди, и доставленный груз не обещал спасти каждого.

Егор сел на ступень у ворот. Ноги гудели. Рядом устроилась Мира, мокрые сапоги она уже сняла и держала ступни над жаровней.

— Ты вспомнила развилку? — спросил он.

— Нет.

— Но нашла.

— Это не одно и то же.

Она повернула дорожный шест. На старой обмотке проступала трещина, о которой рассказывал Тарн.

— Раньше я знала дорогу потому, что ходила по ней. Сегодня знала, потому что смотрела. Завтра снег закроет ветки, вода собьёт мох, и придётся смотреть заново.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.